

СВЕТ СТОЛИЦЫ

литературно-
художественный
журнал

12 / 2022

2022

УДК 882
ББК 84(2Рос)

Учредитель:
ООО "ИПО "У Никитских ворот"

Издатель:
АНО "Редакция альманаха "Академия поэзии"

*Журнал издаётся при информационной
поддержке "Литературной газеты"*

Главный редактор:
Максим Замшев

Шеф-редактор:
Анна Баранова

Корректор:
Анна Соломатина

Дизайн-макет:
Андрей Дирижаблев

Компьютерная вёрстка,
оформление обложки:
Алина Симонова

Адрес редакции:
*121069, Москва, ул. Большая
Никитская, 50а/5, стр. 1, оф. 40.
Тел.: +7 (495) 690-67-19
info@acpoetry.ru*

Тираж 1000 экз.

© Академия поэзии, 2022
© Издательство «У Никитских ворот», 2022
© Коллектив авторов, 2022

ISBN 978-5-00170-736-3

9 785001 707363 >

ТЕМА НОМЕРА:

«НОВОГО ЖДЁМ МЫ – НОВЫЙ ИДЁТ!»

1

ПОЭЗИЯ

АНДРЕЙ ИВАНОВ

* * *

У околицы домик в сугробах,
Сизоватый дымок из трубы,
Затерялся в заснеженных тропах,
А за ним вековые дубы.

Этот запах из детства знакомый –
Сладковатый на вкус, дровяной.
И звала меня мама к жаркому,
Вкусный чай на столе травяной.

Забегал, замерзающий, в сени,
А оттуда – на печку стрелой.
И в трубу упирались колени,
Прижимался к тулупу скулой.

И овчина щекочет мне ноздри,
Накрывался тяжёлой полой.
Ух, как пальцы от снега замёрзли,
Будто кто-то их колет иглой!

Иванов Андрей Владимирович родился в 1978 году в Туле в семье военнослужащего. В 2002 году с отличием окончил МАИ. С 2021 года член ЛИТО «Ладога» (Лобня) имени Ю.В. Петрова. Автор поэтических сборников «Шаги» (2021; издательство «Экон-Информ») и «Путь» (2022; издательство «Экон-Информ»). Публиковался в альманахах «Чайки над Лобней» и «Дебют». Член Союза писателей России.

Отогревшись, спускался покушать,
Сковородка большая и чай.
Разговоры мужские послушать
И сигарку спереть невзначай...

И недавно, казалось, всё было,
Только нету деревни уж той.
И слезинка на миг ослепила,
По щетине скатилась седой.

14.12.2022

Облачный художник

Облачный художник разукрасил небо,
Северным сияньем подсветил всю ночь.
Ветер стонет песню гулко напева,
Раннюю зиму он до них охоч.

Краска перламутром на холсте небесном
Волнами искрится, колыхаясь в такт.
Сопки, отражаясь в водоёме пресном,
Неподвижно в вечность синюю глядят.

Полчаса всего лишь – и померкли краски,
Звёздочки, качаясь, на волне блестят.
Облачный художник показал нам сказку,
И бегут мурашки с головы до пят.

10.12.2022

* * *

Снег пушистым одеялом
Лёг везде где только смог.
На заре, при свете алом,
Не видать совсем дорог.

Ноги вязнут то и дело,
Тянется за мною след.
В мире этом – чистом, белом –
Потрясающий рассвет.

Солнце выглянуло робко
Из-за ёлок на холме.
И за мной осталась тропка
В белоснежной целине.

Не вернусь по ней обратно,
По посёлку дам кружок.
Всё так чисто и опрятно,
И зарёй горит восток.

11.12.2022

* * *

Старый пёс попался на дороге,
Ковылял куда-то по делам.
Волочил, прихрамывая, ноги
Еле-еле, с горем пополам.

Колтунами шерсть его сваялась,
На груди висит комком репей.
Жизнь дорогой сладкою казалась,
Сколько шишек он набил на ней.

Кожа, что обтягивает рёбра,
Шрамы и рубцы видны на ней.
К позвоночнику живот весь вобран,
Громыкает по камням Кащей.

Взгляд я кинул, стало так тоскливо,
Из пакета колбасу достал.
К меньшим братьям жизнь несправедлива,
Ел он тихо и хвостом вилял.

Прощались молча на распутье,
Резок между нами был контраст.
Милосердной, право, люди будьте!
Бог за это вам с лихвой воздаст!

24.09.2022

* * *

То, что сейчас творится в мире,
Мне описать не хватит слов.
Но где-то там грустит в эфире –
Её Величество Любовь.

Раскрыть готова всем объятья,
Соединить собой сердца.
Белеют свадебные платья,
Несётся «Горько» без конца.

Покой и мир царят в округе,
И раздаётся детский смех.
Берёт отец дитя на руки,
И для него он лучше всех.

И мама причитает рядом:
«Поставь, отец, его на пол!»
Одарит их счастливым взглядом,
На кухню пригласит за стол.

Идиллия семейной жизни,
Так было испокон веков.
Ведь в мирозданья механизме
Царит Величество Любовь!

01.10.2022

ВИЛЕН ИВАНОВ

* * *

Стране желая процветанья,
Неразделим с её судьбой,
Поэт в годину испытанья
Всегда с любимую страной.

100 лет Советскому Союзу

100 лет, напоминает хроника,
Союз Советский до последних дней –
Вторая в мире экономика
И армия, других сильней.

Власть и вера

Об этом говорят: чья власть – того и вера,
Так было, есть и будет впредь.
И время трезво посмотреть на это дело
И согласиться с этим для примера,

Иванов Вилен Николаевич – советник РАН, член-корр. РАН, д. ф. н., профессор, член Союза писателей России. Автор более 500 научных и литературных публикаций (книг, брошюр, статей, сборников стихов). Имеет государственные и общественные награды. Лауреат научных и литературных премий. Почётный член Российского общества социологов (РОС). Почётный доктор наук Института социологии РАН. Почётный член Военно-научного общества при Центральном доме Российской Армии им. М.В. Фрунзе. Полковник в отставке.

Ответить на вопрос: в чём наша вера,
Деянья власти пробуя понять,
Решить, за что её нам стоит поддержать
И совпадают ли её и наша вера.

Светофор

Его друзья спросили:
Согласен ли поэт,
Что вечный путь России –
Езда на красный свет?
И как-то отрешённо
Ответствовал поэт,
Что едим на зелёный
Мы скоро тридцать лет,
Но толку никакого
Как не было, так нет.
В погоне за удачей,
Понятно с неких пор,
Как мало в жизни значит
В России светофор.

* * *

Задачу следует понять,
Как, одолев сопротивление,
Нам в сложной ситуации создать
Надёжные ресурсы единенья.

Ответ

Каков идейный наш потенциал?
Студенты давеча спросили.
Три главные идеи у России:
Патриотизм. Державность. Справедливость
И, как обычно, Божья милость –
Давнишний наш потенциал.
Так я студентам отвечал.

* * *

Девиз старинный «кровь и почва»
Заменяем мы на «почва и любовь».

Посткоронавирусное

Лично мне как социологу
Новый опыт говорит,
Что на смену вирусологу
Психиатр прийти спешит.

Не унывать

Ребята выросли. Мы постарели,
Жизнь приближается к концу.
Мы сделать многое успели,
Не всё, конечно, что хотели,
Не все свои достигли цели,
Но унывать нами не к лицу.
Пусть даже мы изрядно постарели
И жизнь приблизилась к концу.

Власть времени

Время так стремительно летит,
Подчиняя всё своим законам,
В книжке записей всё меньше телефонов,
И это мне о многом говорит.

* * *

Я на вопрос, как надо жить
И что такое в жизни счастье?
Отвечу: радость находить
Настойчиво и в настоящем.

АЛЕКСЕЙ МОНАСТЫРЮК

* * *

Как всегда ты первой засыпаешь,
Я балансирую на грани...
И вот меня в свой сон впускаешь,
Где мы летим в тумане.

За ним земля, за нами ветер,
И тяготенью вопреки,
Мы радуемся, как дети,
И умиляемся, как старики.

Слова без звука, мысли вслух,
Туман растаял за спиной...
В диком поле пастушка и пастух,
Взявшись за руки, бредут домой.

Монастырюк Алексей Юрьевич – автор исторических текстов на сайтах Президента России и Патриарха Московского, а также книг «От сокола до орла» (очерки по истории Руси) и «Загадки и отгадки Кремля» (путеводитель по Московскому Кремлю).

Личный сайт: <http://alexmon.ru>. Канал в Яндекс.Дзен – «Окольная речь».

* * *

Я любовь сожгу в камине,
Утоплю на дне стакана,
Чтобы не было в помине
И свободней стать цыгана.

Только солнцу улыбаться,
Только слушать соловья,
Только небом восхищаться,
Только тем, где нет тебя.

Только солнце почернело,
Соловей уснул на век,
Тотчас всё осиротело,
Без тебя на свете жизни нет.

АНАТОЛИЙ СУСЛОВ

* * *

На вершине чувств тончайших,
Там, над кратером огня,
Происходит чувств венчанье,
Чарованье ночи-дня.

Где-то там пылает Солнце,
Где-то стонет лунный свет,
Шепчут губы, как спросонья,
Да, и да, и нет, и нет.

Длится море обладанья,
Льётся радости простор –
Это наших душ свиданье,
Раздиранье штор и шор,

Это в сердце птичье пенье –
Щебетание и трель,
Это взрывы нетерпенья,
Это – бездна, это – мель...

Суслов Анатолий Петрович. Родился в Германии в семье военно-служащих-медиков. Окончил Второй московский медицинский институт им. Н.И. Пирогова. Профессор-иммунолог, доктор медицинских наук, заведующий лабораторией в НИЦ ИЭМ им. Н.Ф. Гамалеи. Автор четырёх поэтических книг – «Отражение», «Иное», «Симфония чуда», «Азбука души».

На плече рисую знаки,
На твоём, моим перстом.
Это – нежность, скажет всякий.
Ну а мы молчим о том.

Мы молчим, когда клокочет,
Рвётся лава из глубин –
Так желанье хочет, хочет!
Чтоб весь мир нам стал един.

* * *

Беспомощен селезень в линьке,
В высокой траве он притих.
Я тоже притих, всё в новинку –
Твоя красота и мой стих.

Всё жду, пока крылья окрепнут,
Чтоб мог в высоту я взлететь,
Чтоб с музой, с тобой, там, где ветер
И море, лететь, песни петь!

Ты спросишь: «Тебе ведь не страшно?!»
Отвечу: «Конечно, боюсь!»
«Но вместе стихию мы вспашем –
Бьюсь с ветра бескрайностью, бьюсь!»

Наступит вдруг темень ночная,
Окутают холод, туман,
Скажу я: «Милая, знаю,
Домчим мы до лучшей из стран».

Ответишь: «С тобой мне не страшно,
Обрёл ты окрас, силу крыл,
Стал вновь красив, бесшабашен,
Свой страх пред стихией изжил».

Крылом чуть коснусь тебя нежно,
Прокрякаю ветру стихи,
Летим далеко – даль безбрежна! –
Над морем по воле стихий.

* * *

Давно я не слышал трели сверчка,
Кузнечиков звонкого пенья,
Не пил полной грудью сказки цветка,
Не рвал лепестки в нетерпенье.

Давно я не строил корабль мечты,
Паруса не скреплял морской узел
В единый белый полёт красоты,
Что рвёт чёрной немощи узы.

Давно, очарован касанием рук,
Нагих белых лилий сияньем,
Не рвал я мгновений колдующий круг
Своим бездонным желаньем.

Давно я не пел позабытый романс,
Древней Адамы и Евы.
Сгущается время в туман и дурман,
Слов нет уж, мелодии немы.

Давно не возносил я робких даров
В тот храм, где святыни, где жрица,
Где тени, где свет возлегает на схрон,
В котором счастье хранится.

Давно не бродил по бульварам столиц,
Где цвет мушмулы или вишни,
Роняют они лепестки свои ниц,
Что значит: здесь я не лишний,

Что родствен цветку я, родной я сверчку.
Я – тень стародавних поэтов.
Твой голос, душа моя, слушать хочу,
Грусть слов твоих, сердцем напетых.

* * *

Акварели в небе, акварели...
Голубое с белым бытие...
Я не слышу пения свирели,
Только сердце чует звук её.

Отчего собаки одиноки,
Даже если в стае, всё равно?
Жизни путь у них всегда жестокий –
Быть при ком-то Богом им дано.

Быть при ком-то или стать бродягой –
Тощий бок и шерсти драной клочок?
Жалким быть, бездомною беднягой
Волочиться по велению ног?

Где-то в сердце одиноким волком
Воет вдаль оранжевая боль.
Столько в жизни счастья, страсти столько!
А в душе – пустыня, рвань и голь...

Поплыли припевы и запевы,
Нет мелодий, разве в этом суть?
Есть мечта – чиста, как взоры девы,
Если ветер лишь ласкает её грудь.

Акварели в небе, акварели...
Там декабрь, мороз и снега плен.
Я не слышу больше звук свирели –
Запечатан слух, хоть дух нетлен.

Дух нетлен. Он ворожит, морочит.
Ворошит он пламя в сердце, жжёт,
Будущее строит он и прочит,
Прошное заковывает в лёд.

Я молчу. Уста души немеют.
Слово одиночеством гнобит.
Мир прекрасен, красотой не мерян,
Только, словно градом, он побит...

Мороз и пламя

Вознесённое небо – мука! –
Белёсой бездны зиянье,
И сердца трепет – порукой
За невесомость сиянья.

Снега в поле, стынь и наледь,
И дали слегка туманны.
Берёзы белы, чуть алы,
Как будто целует их ангел.

Сугробы кругом синеют.
Следы всё глубже, темнее.
И руки мои коченеют,
И чувства мои немеют...

Хрустит мороз под ногами.
Собака отчаянно лает.
Мороз лицо облегает,
Впиваясь в него, кусая.

Когда же рукой горячей
Ты в сердце моё проникнешь,
Душа моя станет зрячей
В любовной своей молитве.

Мольбою полны мои пальцы,
Огнём пылает всё тело!
Мороза и вьюги танцы –
Какое нам до них дело!

* * *

Вера в Творца – особая Вера.
Бог с верой в чудо мир сотворил.
Вера в чудо безумна, безмерна –
Бог свободу в любовь облачил.

В благоговении и смиренье
Добровольно идя на крест,
Став малейшим на свете брэнном,
Вновь в любви воскреснуть на свет.

Добровольна любовь и свободна –
Ей в смиренье прекрасней нет уз,
Полюблю кого Богу угодно –
Лёгок счастья немеряный груз!

Божий перст – это путь наш к свободе.
Полюбить – Бога спрос убожить:
Из бесщётных в мире мелодий
Лишь свою узнать, ухватить!

Бог в любви является, чуде.
Есть у всех в душе чудо любви.
Не предать бы, подобно Иуде,
Чудо. Нас Бог им благословил!..

Признание в любви

С этой страницы я хочу начать новую жизнь, свою особенную, неповторимую. Только здесь, на бумаге, сознаюсь я в том, что не желаю небытия, а жажду жизни, сотворённой моими руками.

Никто не желает знать твоё внутреннее право на существование, душа моя, никто не желает давать тебе такое право. Только «Я», не знаю, что это такое, – моё «Я» – хочет, чтобы ты жила, и отдать тебе всё, всю кровь свою и плоть, твоим высочайшим радостям.

Все внешние обстоятельства складываются так, как будто хотят проверить, не мошенник ли я, не обокрал ли их. Я бы убил себя, своё тело, если бы не ты, душа моя, счастье моё. Я бы убил его, чтобы не доставляло оно чёрной зависти своим бытием, чтобы ни у кого не было жажды пить мою кровь, пожирать мою плоть. Я бы убил себя, если бы не ты, моя радость, звезда, сияющая во мраке небытия. Ты есть, я вижу тебя, я верю в тебя.

В твои глаза смотреть жутко, но прекрасно. Ты – бездна. Голова кружится от страха, если я смотрю в твои глаза. Но никто не станет между мной и тобой, потому что тебя нет вне меня, ты – во мне.

Я один только знаю тебя. Я один, потому что не знаю, что знают другие, и, наверное, не хочу этого знать. Я один, потому что и ты для меня одна. Я люблю тебя, душа моя, Истина моя, и никто не сможет разрушить эту любовь.

Ты жива, пока я жив. Я буду жить, чтобы ты жила. Я буду жить вечно, чтобы ты жила вечно.

Ты меня тоже любишь, я знаю. Я знаю, потому что ты иногда, в порыве, раскрываешь свои блага, и тогда я чувствую, что истинно, я – сын твой.

Никто не посмеет посягнуть на тебя, любовь моя, потому что никто тебя не знает и не распознает. Я стисну зубы и закрою глаза, пройду мимо и не обернусь – ты во мне, никто не должен заметить.

Ты ревнуешь, и я ревную. Ты отвернёшься, если я солгу. Я умираю от муки, если ты отвернёшься.

Я – твой жалкий раб и ничтожество, но я готов стать гением, чтобы сохранить тебе жизнь.

Я буду бесконечно изобретателен. Я буду отчаянно смел и умён. Я сделаю из этих усилий тебе ложе – живи, душа моя.

Ты так любишь, когда я мучительно одинок. Ты сияешь лаской и нежностью, недоступным, но радостным теплом. Ты только манишь, но ничего не даешь. Ты непостижима и оттого бесконечно прекрасна.

О, как ты горда! Я берегу тело своё для тебя, и в нём твоя жизнь, но его страданий ты и не замечаешь. Они не существуют для тебя, хоть тело стонет и корчится. Оно не выпросит у тебя и снисходительного взгляда, я знаю, хоть в нём твоя жизнь.

Я – жалкий червь, я не достоин тебя, а ты, я знаю, лучше умрёшь, чем будешь жить с ничтожеством.

Как же мне быть?

Я зову тебя – ты уходишь, я руки к тебе тяну – ты вся содрогаешься от отвращения. А стоит забыться мне в отчаянном сне, как ты придёшь и возложишь свои тонкие руки мне на глаза, чтобы открыл я их и вновь увидел тебя.

Ты – чудо! И я во всём ожидаю тебя как внезапную благодать. Мы только одни с тобой на свете и есть. И тело моё – наше ложе любви. Здесь мы с тобою навеки, долгожданная моя, я верю в это. Оно – грязь, но я всё сделаю, чтобы ты вошла в него, как в светлицу.

Кто же я, если ты – не я? Кто же ты, если я – не ты? Ты – совершенство, а я – ничтожество, ты беспредельна, а я ограничен, ты сияешь, а я горю. Кто же я? Я – человек. Кто же ты? Ты – Истина.

По какому же праву я посягаю на твою любовь? Или я – дитя твоё? Или я – твой будущий муж? Или я – дитя твоё и муж твой и снова дитя?

Я был неразделен с тобой, я родился, чтобы снова слиться с тобой в безраздельной любви, чтобы снова пребыть в тебе. Я – дитя твоё, которое станет твоим мужем, чтобы дитя наше с тобой снова было я.

Как же я несовершенен, о Господи! В какой же грязи я, и весь я – грязь! Я слезами омоюсь, о Господи! Нечем мне больше.

Ты – благороднейшая чистота. Сколько страданий прошла ты и не потускнела.

Я плачу, душа моя, и радуюсь, потому что знаю, что слёзы мои – это путь к тебе. Сколько раз отчаянье, грязная сука, пило мою кровь. Но, видно, кровь моя из твоего источника, и ей не по вкусу. Уходит, злобно рыча. Ты – Истина, и тебя не выпьешь, тобою не насытишь жажду, а только возжаждешь во сто крат больше.

Маленькое существо я, а жажду бесконечности.

Кто же ты – Истина? Ты – тайна любви, её таинство. Откуда же грязь моя и невежество? От бездушия? Но ведь и ты, душа моя, не приемлешь грязи? Ты только там, где её нет.

Что же есть? Эта грязь моя, эта плоть моя? Зачем тебе боль моего очищения, что в ней? Ты – мечта моя или действительность?

ЮРИЙ УГАРОВ

* * *

Растёт Москва. Уже подходит
К автодороге кольцевой.
Дворцы бетонные возводит,
Зверей пугая высотой.

Уходят белки в глубь лесную,
И умолкают родники.
Стоят печалятся, тоскуют
По прошлой жизни васильки.

Остались две сестры-берёзки
Среди бетона и стекла.
А здесь совсем, совсем недавно
Их роща целая была.

С переплетёнными корнями
В родной земле стоят они.
Поклон прощальный посылая,
Листвой касаются земли.

Угаров Юрий Викторович родился в Москве 8 декабря 1947 г. Жил на ул. Щипок. Детство и юность прошла на Стрелецкой улице в Марьиной роще. Окончил там же школу № 238. С детства любит стихи, музыку, приключенческую литературу. Первый стих написал в 4 года. Окончил техникум и вечерний институт МИФИ, затем работал в НИИ. Пишет стихи для себя и друзей, увлекается фото и видеосъёмкой.

Берёзка, слёзы проливая,
Сестрёнке силы отдала.
И та в ответ, помочь желая,
Подружку нежно обняла.

Они засохли, обнимаясь,
Не в силах жизнь свою продлить.
Нас, каждым утром поднимаясь,
Ведь просит солнце мир любить.

Любите – говорят в народе.
Как часто забываем мы о том,
И вот, как памятник жестокости к природе,
Сухие две берёзки под окном.

* * *

Запретили! Меня запретили.
На стихи наложили запрет.
Моим рифмам руки скрутили
И сказали, что я не поэт.

Но мой голос хрипел из окошка,
Подпевала подруга-струна.
Пролегла звуковая дорожка,
В души путь мне открыла она.

И теперь мой голос открыто,
Во всю ширь на просторах страны.
Я ж молчу, чуть снегом укрытый,
Только вы молчать не должны.

Когда мог говорить – запрещали,
Замолчал навсегда – говори.
Чтоб другие так не страдали
Взошло солнце новой зари!

* * *

На вершину мечты поднимусь,
Лишь бы нервы мои не сдали.
На такую я заберусь,
На какой только боги бывали.

Здесь, вверху, в синеве, в облаках
Люди с чистой душой обитают.
Громко правду они говорят
И обмана и лести не знают.

Вот лежит там, внизу, подо мной,
Покорённая жизни долина.
Но манит красотой неземной
Недоступная многим вершина.

Голова моя кругом идёт
От восторга и напряженья.
Путь на эту вершину пролёт
Сквозь победы и пораженья.

Из последних хватаюсь сил
За надежду и веры осколок.
Всё равно я её победил.
Миг победы, но как же ты дорог!

* * *

Два города, в которых наши души.
Меж ними километры пролегли.
Пожары, град, затопленные суши,
Высокий самый, недоступный пик Земли.

Как хочется преодолеть разлуку,
Отбросить в пропасть временной барьер.
Прижать к губам трепещущую руку,
Увидеть комнаты знакомый интерьер.

Твой взгляд, немного удивлённый встрече,
И трепет сердца, как в семнадцать лет.
Растопят лёд восторженные речи
И нежный разговор с тобою тет-а-тет.

Но я не птица. Крыльев нет в помине,
Но мысль моя летит к тебе легко.
Летит сквозь море, горы и долины...
Ты, дорогая, очень далеко!

Любимая! К тебе примчусь на самолёте
И роз букетик положу к ногам.
Прекрасна жизнь! Когда сердца в полёте
И губы тянутся к губам!

* * *

Старик несчастный и счастливый,
Великий мастер Фальконе,
Специально создал для России
Петра фигуру на коне.

Царица мудрая рукою
Открыла памятник Петру.
И вот возник он над Невою,
Развевая кудри по ветру.

Россия помнила заслуги
Царя великого Петра.
Недаром недруги и други
Кричали все ему «Ура!»

Россия мощною державой
Вдруг становилась на глазах,
А люди славились отвагой
На поле битвы и в морях.

При жизни царь был очень твёрдым,
Как камень, что у ног его.
Благодаря ему Россия гордо
Взлетела ввысь из ничего!

Вода у ног не раз плескалась,
Но он стоит непоколебим.
Природа будто насмеялась,
Но он могуч, непобедим.

И в наше время люди-камни,
Нас не страшит военный смерч,
Простые девушки и парни,
Мы научились мир беречь.

Россия вечная у нас,
И пусть враги не ждут кончины,
Она в сто раз сильнее сейчас,
Чем в год правленья Катерины!

ИДАЛИЯ ШЕВЦОВА-УРСАТИЙ

Оклик

Если милый меня окликал,
а я в трансе тогда находилась,
оклик – это великая милость
и неровность сердечных лекал...
Я бежала от страстного оклика:
– Не дай Бог, не дай Бог, не дай Бог!
Не считая годов – быстрых ног,
уносилась в свечение соколом...
Догоняя, легко обнимал:
его страсти не знала конца я –
мне зачем атрибуты кольца,
там свобода любая нема?
И осталась одна – тот же листик,
что трепещет на древе осеннем,
но сверкает мой взгляд возле проседи
ещё пышных кудрей – только свистни,
я примчусь и прильну в одночасье –
в этом есть величайшее счастье!

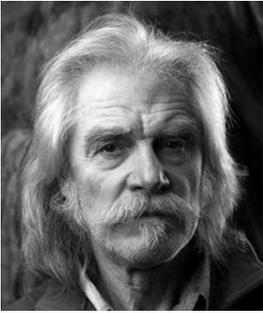
Идалия Шевцова-Урсатий (Шевцова Идия Фёдоровна) родилась в с. Завьялово Алтайского края. Публикуется в журналах, коллективных сборниках России и Зарубежья. Автор нескольких поэтических книг и прозы. Участница Дней славянской письменности и культуры в республике Молдова в 1997 году. Член СП Приднестровья, Международного сообщества писательских союзов, Союза писателей России, член-корр. «Академии поэзии».

Ноябрь

Бросается под ноги мне
ноябрь, заснеженный, резкий –
на стёклах рисунки, что фрески,
сугробами радует снег:
пусть будет побольше его,
хлеба чтоб весною проклюнулись,
мело чтобы вихрем по улице,
и я б торопилась бегом –
к любимому надо мне снова,
ведь жизнь без него невозможна,
она и легка, и сложная,
что ноября основа.
Без снега, что речь без слова...
Как, доверяя, чувствовать?
Как убирать сомнения?
Я ненавижу тления
в мыслях, поступках, где чудом
милого трепетный взгляд,
коему солнечно рада –
в нём и жара, и прохлада:
там амплитуда Ада
и Рая зовущего гладь.

2

проза

СЕРГЕЙ БУСАХИН

Циркуляция

Э-э-эй!.. Э-э-эй!.. – вопил в холодную атлантическую ночь, стоя на капитанском мостике, третий штурман. Вопил громко, с каким-то надрывом и обречённостью в голосе. Будто страшно и одиноко ему в зябкой и сырой темноте. Траловая палуба пустынна и едва освещена тусклым светом фонаря, который всё время качается и скрипит пронзительно и тревожно. Трал, напоминая какое-то страшное морское чудовище (что-то вроде мифического гигантского морского змея), тёмной бесформенной массой распростёрся вниз и своим жутким видом пугает нашего крикуна. «Ещё этот дурацкий фонарь качается и скрипит на ветру, – раздражённо думает третий штурман, – опять же непредсказуемый бермудский треугольник под боком, где то и дело пропадают корабли и самолёты. Чего мы в этом Саргассовом море забыли? Одни водоросли кругом. Всё научники лезут куда не надо. Зря я в этот рейс пошёл».

Бусахин Сергей Васильевич родился и живёт в Москве. После службы в армии работал в научно-исследовательском институте (ВНИРО), где регулярно участвовал в многомесячных экспедициях по Мировому океану. С 1984 по 1989 годы учился в ЗНУИ на отделении станковой живописи и графики. С 1990 года состоит в Творческом союзе художников России и Международной федерации художников. С 1985 по 2007 годы каждое лето ездил на остров Валаам, где писал этюды и картины, а также работал экскурсоводом. В настоящее время занимается живописью.

Наше научно-поисковое судно действительно находилось в районе сорокового градуса северной широты в двухсотмильной экономической зоне Канады, как раз на северной границе так называемого «бермудского треугольника», и этот район очень интересовал нашего начальника экспедиции Котова Казимира Семёновича – геолога по специальности, защитившего несколько месяцев назад докторскую диссертацию, связанную с земными разломами и дрейфами материков. Он и меня уговорил, хоть я и всячески отбрыкивался, так как занимался только тропическими видами рыб Индийского океана, отправиться с ним в этот северо-западный район Атлантики. В результате: вместо обещанных двух ихтиологов оказался я один, и мне, естественно, пришлось объединяться – тоже с одиночкой – ихтиопланктологом Вадиком, корчившим из себя будущего светила отечественной науки и по этому случаю передвигающимся по нашему судну с высоко поднятой головой.

Район Атлантического океана, в котором мы находились, действительно обладал скверной репутацией. Если открыть карту Северо-западной Атлантики, то можно увидеть Саргассовое море, получившее своё название от плавучей бурой водоросли саргассы, которая усеяла всю его поверхность, что значительно затрудняло движение судов. Расположилось оно между полуостровом Флорида и Канарскими островами – единственное море в Мировом океане, не имеющее берегов и ограниченное круговым течением по часовой стрелке. Большая часть Саргассова моря находится над Северо-Американской котловиной, глубина которой более шести километров. В этом довольно странном море ко всему прочему притаился таинственный «Бермудский треугольник», напоминающий собой наконечник копья, устремлённый на северо-восток и вонзившийся в вулканические Бермудские острова, что и дало ему название. Левый его угол касается южной части полуострова Флорида, а правый – острова Пуэрто-Рико. Постоянно – раз или два в неделю – здесь случаются сильные шторма, сопровождаемые разрушительными циклонами, ураганами и смерчами, и – что самое пугающее и ужасающее – это внезапно возникающие так называемые блуждающие волны, высота которых может достигать 30 метров: тихая, ясная погода, полный штиль, никто ничего такого не ожидает, и вдруг неизвестно откуда взявшаяся волна высотой с двенадцатиэтажный дом поглощает судно вместе с экипажем и несётся дальше, оставляя после себя пустоту, безмолвие и безмятежную гладь оке-

ана, словно бы ничего и не было и вся эта катастрофа возникла в чьём-то больном воображении или в страшном сне. Беспокойство третьего штурмана понятно: здесь действительно за многие годы погибло необъяснимым образом бесчисленное количество судов и даже самолётов, причём мгновенно, даже не успев передать сигналов бедствия. С некоторых судов перед исчезновением успевали сообщить восторженными голосами, что при абсолютно ясной и тихой погоде вдруг небо окрашивалось в жёлтый цвет и появлялся необычайно густой белый туман, после чего связь обрывалась и судно исчезало. Бывало, обнаруживали дрейфующее судно с отсутствующим экипажем, причём обстановка на судне была такая, словно его покинули в спешке и ничего не взяли с собой. Вот недалеко от такого опасного и непредсказуемого района Атлантики нам довелось в этот раз проводить научные исследования.

Штурман продолжает орать в темноту, а нам с Вадиком надо делать циркуляцию, и мы молча сидим на шлюпочной палубе рядом с нашей лабораторией и ждём опаздывающего лебёдчика, психологически готовимся к работе и заодно вслушиваемся в голос вопящего штурмана, пытаюсь уловить в обращении «Эй!» что-нибудь человеческое, родное и тёплое.

– Смотри-ка, – нарушаю я молчание, – как печален сей крик, ещё немного, и, глядишь, он объявит общесудовую тревогу.

– Это он нам кричит, – злорадно отвечает Вадик, – и чего орёт, как дурак какой-то?

– Зря он горло дерёт, – соглашаюсь я со своим напарником, – лучше бы пошёл и разбудил нашего лебёдчика, и то больше бы толку было.

– Нет, он явно испуган, и одиночество злит его ещё больше, – начинает философствовать Вадик. – Он не любит людей, а в одиночестве ему некого ненавидеть.

– Я думаю, его печалит сырой и липкий туман Саргассова моря, – радуюсь философскому уклону нашей беседы, говорю я. – Он его пеленает, как гусеницу в кокон, и таким образом сдерживает его благие порывы, и он боится кануть в вечность, не оставив после себя никакого следа.

– Нет, – высокомерно отвечает мне будущее светило мировой науки, – такому никчёмному человеку вообще не стоит оставлять никакого следа, ибо любой его след может принести в будущем неисчислимы бедствия всему человечеству.

После столь сногшибательного утверждения Вадика я был настолько изумлён, что просто потерял дар речи и не знал, что ему ответить. Так далеко в будущее касательно третьего штурмана я заглядывать не собирался...

Наконец появился заспанный лебёдчик и не торопясь принялся расчехлять лебёдку.

– А-а-а!.. А-а-а!.. – уже зверем ревёт третий штурман, перекрывая шум Атлантического океана и всевозможные судовые звуки и даже вой ветра в снастях.

Мы спускаемся на траловую палубу.

– Это не наша обязанность будить на станцию лебёдчика! – поставив ладони рупором, пытается переорать ночного крикуна Вадик.

А штурман его всё равно не слышит и – зверем:

– А-а-а!.. А-а-а!..

– Это ваша прямая обязанность! Ваша! – не успокаивается мой вспыльчивый и потому уже рассерженный напарник и вдруг, подражая зашедшемуся в рёве штурману, начинает очень умело тоже реветь зверем:

– А-а-а!.. А-а-а!..

Так они вдвоём орали около минуты. Ещё не совсем очнувшийся от сна лебёдчик до того перепугался, думая, что они оба спятили, что уж было решил зачехлить лебёдку и убежать от греха подальше, но я его успокоил, сказав, что это они так переговариваются на шифрованном языке. Первым успокоился третий штурман.

– Начинайте станцию, – хмуро бросил он и скрылся в рубке.

Ихтиопланктонная станция длится полтора часа. Сначала производится циркуляция: сеть Бонго (два параллельных металлических кольца диаметром 60 сантиметров, соединённые газовой сетью) опускается на металлическом тросе лебёдкой в воду. Судно в это время делает круг (циркуляцию) и одновременно тянет за собой эту сеть на определённой глубине. Этим и занимается наш штурман и, надо отдать ему должное, наоравшись, делает это профессионально. Вообще-то, он неплохой штурман, но определённно что-то у него с головой: получив красный диплом об окончании высшего мореходного училища, поверил в свою исключительность и поэтому считает всех на судне, кроме, конечно же, себя и капитана, «плебеями», не достойными его внимания. Вадика это как будущего светоча мировой науки страшно злит, и он ищет любого повода,

чтобы вывести «высокородного» штурмана из себя. Меня же всё это смешит, и я пытаюсь как-то урезонить своего нервного товарища, но характер Вадика ничем не лучше его оппонента – много гонора, который заставляет его думать, что в ихтиопланктонологии он самый выдающийся учёный и равных ему нет на всём белом свете. Когда и где он вдолбил себе в голову эту странную мысль, я не знаю. Когда-то художник Ван Гог произнёс замечательную фразу: «Как трудно быть простым», – но Вадик об этом не ведаёт, да и третий штурман – тоже, так как оба не интересуются живописью.

Циркуляция заканчивается, судно ложится в дрейф, и мы начинаем опускать по горизонтам сеть «Бочарова-Расса-2». Сначала делаем тотальный лов: опускаем сеть на глубину 1000 метров, после чего сеть поднимается и вся живность, оказавшаяся в ней и которую в дальнейшем будет исследовать Вадик, помещается в специальный сосуд, а затем – уже с замыкателем – берём пробы на ихтиопланктон по определённым водным горизонтам. Такие станции мы, как правило, делаем через каждые 60 миль, иногда – через 30 миль, если в этом есть необходимость. Между станциями проводятся двухчасовые траления. Вот почему мы объединились с Вадиком: я ему помогаю делать станции, а он мне – разбирать траловый улов. Так мы работаем в этом рейсе за шестерых (в такой многомесячной экспедиции должно быть не меньше четырёх ихтиологов и двух ихтиопланктологов). Зато почему-то взяли в этот рейс четырёх инженеров-электронщиков, и что они в таком количестве делают на судне – большая загадка. Я их то и дело встречаю на палубе, суеющих вокруг каких-то невиданных по конструкции фантастических приборов. После суеты они спускают их за борт и, застывая в различных позах, замороженно наблюдают, как их монстровидные детища скрываются под водой. Убедившись, что погружение прошло успешно, хлопают в ладоши и поздравляют друг друга, после чего подбегают к прибору, оставшемуся на палубе, крутят какие-то ручки, щёлкают многочисленными тумблерами, глядя на светящийся экран, издавая крики радости или сожаления, а иногда и удивления. Вскоре возвращают приборы на палубу и уносят в свою лабораторию, чтобы через какое-то время всё повторить сначала...

Спим не более пяти часов в сутки. Всё остальное время на работе. В этот раз живописью заниматься почти некогда, да даже если и появляется свободное время, сил на неё просто не остаётся: сижу в полной прострации на ботдеке или пеленгаторной палубе и люблю

юсь океаном, вода которого постоянно меняет свой цвет и светится, словно россыпь самоцветов. Иногда всё окутано густым молочного цвета туманом, и солнце, едва пробиваясь сквозь него, подсвечивает волну, и в этот момент кажется, что наше судно движется среди драгоценных сверкающих изумрудов и сапфиров в кружеве белоснежной пены. Остаётся только «Венере» Боттичелли появиться среди этого божественного великолепия...

– А с какого перепугу вы берёте эту станцию? – ехидничает, выглядывая сверху из иллюминатора своей лаборатории, гидробиолог Маркизов. – Она же промежуточная.

– Я так решил, – нервно отвечает ему Вадик. – Она у меня на карте отмечена.

– Зря, я её брать не намерен, – хихикает Маркизов и исчезает.

Внезапно появляется начальник рейса Котов.

– Где Маркизов? – спрашивает нас. – Мне показалось, что я слышал его голос. Почему он станцию не делает?

– Только что хихикал и выглядывал из своей лаборатории, – радуется Вадик.

Казимир Семёнович стремительно поднимается по трапу в гидробиологическую лабораторию. Через несколько минут спускается раскрасневшийся и разгневанный Маркизов. Фыркает. Косится на нас и недовольно что-то бурчит себе под нос. Потом делает сучающее лицо и, небрежным движением руки указывая своему лебёдчику за борт, коротко произносит:

– Тотальный лов.

Лебёдчик понимает и, заговорщически подмигнув ему, опускает сеть на сто метров в глубину и, проделав тотальный лов, зачехляет лебёдку. Надул-таки начальника рейса хитрый Маркизов. Вадик злится и выходит из себя и так переживает очередную уловку ушлого гидробиолога, словно это он его надул, оскорбил, плюнул в него, унизил, и, уже не сдерживаясь, начинает ругать хитреца последними словами. Однако я-то знаю, что потом Маркизов прибежит к нам и будет выпрашивать наши пробы, как уже было не раз, когда он сачковал и получал втык от Котова, а мы в это время брали одну станцию за другой.

Утром появились киты и стаями плывут мимо нашего судна, флегматично выдыхая фонтаны мельчайших брызг морской воды. Матросы толпятся у борта, кричат, показывают пальцами. Киты, не обращая на нас никакого внимания, постепенно растворяются в ту-

мане, который уже обволакивает судно со всех сторон, словно пуховым ковром... Весело поднимаем пелагический трал, под натужный вой лебёдок и хруст стальных ваеров радуясь богатому улову. Когда же трал вытащили на палубу, думая, что он набит анчоусом, за которым мы и охотились, вдруг в трале зашевелилось что-то огромное, да ещё принялось горестно и громко вздыхать. Тральцы насторожились и на всякий случай отошли подальше от странного вздыхающего существа и устремили свои вопрошающие взоры на меня и начальника рейса, который радостно и удивлённо, с каким-то мистическим ужасом в глазах взирал на происходящее.

– Серёжа, – обращается ко мне мистически настроенный Котов, – как ты думаешь: что там ворочается и так тяжело вздыхает? Может быть, мы какого-то древнего ящера поймали? От этого таинственного района всё можно ожидать.

– Так, не видя, трудно определить, что в трале за существо ворочается. Похоже на детёныша кита или молодую китовую акулу, которая могла в этом районе анчоусом питаться и случайно оказаться в трале.

Когда открыли мешок трала, это действительно оказалась безобидная молодая китовая акула чуть больше 8 метров в длину (во взрослом состоянии китовые акулы достигают 20 метров). Так как в сувенирном отношении она ни для кого не представляла интереса, ибо её достаточно объёмистая пасть была заполнена мелкими невыразительными зубами, матросы удовлетворились массовым фотографированием на фоне «морского чудища», после чего, подцепив продолжавшее горестно вздыхать существо тросом за хвост, перетащили при помощи лебёдки по слипу в родную среду. Китовая акула какое-то время лежала на поверхности, видимо, приходя в себя и переживая случившееся, а затем, нехотя вильнув хвостом, медленно ушла под воду.

Вчера ещё я сидел на залитой солнцем палубе и, орудуя картоманом и цыганской иглой, обшивал ихтиопланктонную сеть, разодранную в разных местах и сорванную с обруча, а сегодня днём тихое утро с флегматичными китами и безрассудной китовой акулой сменил безжалостный циклон. Волнение 7 баллов. Идём полулагом. Судно кренится с одного борта на другой; волны лижут стёкла иллюминаторов ихтиологической лаборатории, в которой я едва удерживаюсь на вращающемся стуле, вцепившись одной рукой в стол, а другой пытаюсь что-то изобразить на куске ватмана. Ручки

и карандаши летят на пол. Делать станцию при такой погоде очень трудно и опасно: может сорвать сеть и унести в океан, поэтому все блоки закрепили по штормовому, а трал лежит в специальном отсеке на палубе. Вот и, пользуясь свободным временем, сижу в лаборатории, пытаюсь вновь приобщиться к искусству. Вдруг зашёл матрос и попросил придумать оригинальную форму охотничьего ножа. Я никому не отказываю: мне самому интересно будить своё воображение и создавать новые формы. Как и в прошлых рейсах, на общесудовом собрании меня назначили художником-оформителем судна, и теперь чуть что, ко мне приходят с просьбами написать плакат или нарисовать портрет жены с фотокарточки или обнажённую девицу из иностранного глянцевого журнала. Вот недавно помполит попросил что-нибудь изобразить к «Дню Военно-морского флота». Я даже не удивился такой его странной просьбе (у нас всё же не военный корабль), а воспринял это как должное и, отправившись в кладовку, нашёл там кучу открыток на военно-морскую тематику, некоторые сюжеты которых легли в основу моего плаката. Многие «самоделкины» просят набросать эскизы всяких безделушек, которые потом они усердно начинают мастерить у себя в каютах в свободное от вахт время.

У нас с Вадиком вахт нет, и рабочее время ненормированное. Иногда я так выматываюсь, что едва добираюсь до нашей каюты, не раздеваясь, плюхаюсь на койку и отключаюсь до следующего трала или станции. Перестал ощущать движение времени: Саргассово море, тёплое течение Гольфстрим, небо, туман, солнце – сквозь туман морская зыбь, качка, шторм – всё сливается в единый и непрерывный живописный поток, и я уже не могу вычленить, отделить одно от другого, остановить на чём-то одном своё внимание и попытаться изобразить это в зримом образе – в виде этюда или картины – это выше моих сил. Первое время, осознав своё творческое бессилие, я очень расстраивался, а потом привык и как-то равнодушно отстранился на время этой безжалостной экспедиции от живописи, потерял свою тропинку, которая позволяла мне радостно и уверенно идти по жизни.

Вот и сейчас я только наблюдаю беснующийся океан с перламутровыми всплесками могучих ультрамариновых волн на фоне заката: розово-жёлтого, с переходом в чистый сиреневый цвет, исчезающий, тающий в голубом, лазоревом и изумрудном небе... Засияла ранняя звезда. Возник тёмный силуэт поморника, парящего

над разбушевавшимися волнами. Стремительные чайки, обгоняя волну, соревнуются в виртуозности полёта. Судно то и дело сотрясается под мощными ударами волн. Скрипят переборки. Циклон со скоростью 160 километров в час налетел неумолимо и внезапно. Волны то и дело, создавая круговороты вокруг иллюминаторного стекла, словно в яростной злобе пытаются проникнуть внутрь... Я поднимаю разметавшиеся по полу лаборатории карандаши, ручки, фломастеры и краски, сажусь за стол и, держась за него левой рукой, правой пытаюсь рисовать. Потом, когда утихнет непогода, некогда будет этим заниматься: начнутся бесконечные траления и станции. «В этом что-то есть, – думаю я про себя и вспоминаю армейскую “учебку”: как мы, будущие связисты, сидим за столами с наушниками и вслушиваемся в азбуку Морзе, записывая принимаемый текст в тетрадки, а в это время мимо нас ходит майор и со всей силой лупит металлической линейкой по столам, имитируя таким оригинальным способом взрывы на поле боя. – Здесь что-то похожее, разница только в том, что это касается рисунка. Разве такое испытываешь на суше?»

Ночью циклон улетел прочь, а третий штурман сменил репертуар. В этот раз он настырно и пронзительно свистел на мостике, не подозревая того, что своим далеко не художественным свистом опять вызывает моего нервного товарища на бой, и его надменный профиль с курносим носом выразительно маячил в контражуре на фоне звёздного неба. Мы с Вадиком, словно по установленной неизвестно кем традиции, опять сидим на ботдеке в ожидании лежебоки лебёдчика и, судя по настроению «величайшего ихтиопланктолога», я понял, что ответный свист с его стороны неминуем, и вот-вот он вступит со своим alter ego в очередной поединок...

ИННА ДЁМИНА

Станислав Куняев

28 ноября 2022 московская писательская братия, общественные и политические деятели, мастера искусства отмечали, точнее, праздновали 90-летие Станислава Юрьевича Куняева, поэта, литературного критика, 33 года возглавлявшего редакцию журнала «Наш современник», превратившего журнал в знамение своего времени. Юбилейное торжество проходило в Большом зале Центрального Дома литераторов.

Среди приглашённых на празднование были интересные мне люди. Это стимулировало принятие мною решения приехать в ЦДЛ на чествование. В 18:25, за пять минут до начала, я вошла в зал и была приятно удивлена – Большой зал был заполнен зрителями, слушателями, поклонниками. Привычка сидеть в первых рядах устремила меня к сцене. У третьего ряда путь преградила некая дама, предупредившая, что эти три ряда для приглашённых. Подождав некоторое мгновение, я предъявила даме удостоверение члена Союза писателей России и получила право сесть на любое место второго и третьего ряда. Что я и сделала.

Дёмина Инна Владимировна – к.п.н., автор пятидесяти научных публикаций. Член Союза писателей РФ, поэт, прозаик, автор десяти литературно-художественных книг, три из которых изданы в пандемическом 2020-м году. Печатается в журналах, альманахах. Победила в поэтическом турнире 2018 г. Награждена юбилейной медалью «75 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Московской городской организацией СП России. Работает в литературных гостиных В.М. Богданова, Л.У. Звонарёвой, В.Н. Иванова.

Вечер открылся кинокадрами, показавшими Калугу тридцатых годов прошлого века, где родился юбиляр, отца, учителя истории, погибшего во время Ленинградской блокады, мать, известного врача Калуги, приятных русских людей.

На сцену из левой кулисы без посторонней помощи выходит сам юбиляр. Зал взрывается аплодисментами. Ведущие зачитывают телеграммы-приветствия Президента России и почему-то Патрушева. По робким аплодисментам я поняла, что приветствие Патрушева вызвало недопонимание не только у меня.

Среди выступавших интересным был митрополит Тихон, подаривший юбиляру икону и вручивший от имени Кирилла, Московского патриарха и всея Руси, высшую награду Русской православной церкви – орден Святого апостола Андрея Первозванного. В момент произнесения Тихоном названия ордена меня отвлекла своим неприятным поведением рядом сидящая пара, и я не успела зафиксировать точное название ордена. Выяснение в интернете моё сомнение не прояснило.

Я ждала выступления Г. Зюганова. Однако он по какой-то причине не смог быть на юбилее. Речь «держал» его заместитель по партии. Сергей Шаргунов, депутат Госдумы, самый молодой среди выступавших, немножко разочаровал своим внешним видом. Я работаю в трёх литературных гостиных, встречаюсь по два-три раза в месяц с большим количеством литераторов. И что вызывает неудовлетворённость? Представители мужского пола чаще всего являются на гостиные с внешним видом, находящимся в дисгармонии с тем, о чём они толкуют. Я понимаю, что многие из них старые люди, и выправку, живость выражения лица годы съели. Но опрятность, аккуратность в одежде поддерживать необходимо. Нужно щадить самочувствие женщин, их эмоциональный мир страдает от мужской неопрятности, неряшливости. Важна не только внутренняя интеллектуальная культура, но и гармоничная с нею внешняя форма. Ведь есть образцы, на которые можно ровняться. Дважды главным героем гостиной Л.У. Звонарёвой был Георгий Каюров. Достойный образец гармонии содержания и формы! Однако у мужчин никакой реакции. Всё внимание их поглощает творчество? Выходят к барьеру, чтобы сказать, произнести свои животрепещущие идеи, однако позы небрежные,

брюки на глазах у всех подтягиваются, нос, уши трогаются, иногда с не аккуратно заправленными рубашками. Но я разошлась. Хочу этот вопрос обсудить с руководителями гостиных, да, как говорят, а судьи кто?

С особым вниманием, как мне показалось, слушали А. Проханова. Это и не мудрено, он – трибун. Он говорил, что для литературного мира России второй половины XX века творчество С. Куняева работало на сохранение, укрепление и развитие русских духовных традиций. Что прошлое – это опора будущего. Что созидать без Бога – значит созидать на песке. Его речь была пересыпана личными яркими метафорами. Хотя и он идёт к 90-летию! Поднимался на сцену с посторонней помощью, до микрофона по сцене прошёл сам.

Яркими пятнами на фоне выступающих оказались два сенатора из Совета Федерации. Они приехали на знаковое мероприятие, чтобы выразить своё уважение и почитание человеку, достойно и созидательно служившему стране и людям. Своим аккуратно-праздничным видом они подчеркнули высоту и значимость героя и мероприятия, связанного с ним. Они говорили, что в дни трагических событий августа 1991 г. и сентября 1993 г. С. Куняев проявил мужественную и чётко последовательную патриотическую позицию.

Кто-то из выступающих подарил юбиляру огромных размеров пасхальное яйцо (полметра высотой) от «Карла Фаберже», раскрашенное под хохлому, палех. Издали было трудно определить точный стиль окраски. Подарок вызвал оживление в зале.

Выступления ораторов перемежались кинокадрами, музыкальными заставками. Ведущий Сергей Куняев, сын юбиляра, объявляет музыкальный дуэт рояля и скрипки, романс Г. Свиридова «Метель» по повести А. Пушкина «Метель». Мы в хоре «Ветеранов войны и труда» культурного центра «Меридиан» пели это произведение на 4 голоса. Как не хватало сейчас музыкальному дуэту живого голоса! Очень хотелось мне запеть, да голос совсем пропал.

*В новых кроссовках тушила пожар,
Голос, не выдержав стресса, пропал.*

В результате все выступавшие «нарисовали» портрет-образ Станислава Юрьевича Куняева: окончил десятилетку с золотой меда-

лю. Окончил филологический факультет МГУ. Уехал в Сибирь. Вернувшись в Москву, после выхода книги стихов был принят в Союз писателей. С. Куняев – автор 30 поэтических сборников, 12 книг критики, публицистики. Главные среди них: «Сергей Есенин», «Шляхта и мы», «Любовь, исполненная зла», «Жрецы и жертвы холокоста», «Русский дом», «Терновый венец России», «Умом Россию не понять». «Наш

современник» во времена его руководства стал «духовным центром, объединившим лучшие державно и национально мыслящие литературные силы России». Мне интересно было узнать, что среди журнальных главных редакторов Станислав Куняев один впервые оказался поэтом. Не один, как кто-то сказал, а первый. Не меньше премий и наград получил юбиляр, в т.ч. ордена «За заслуги в литературе и искусстве», вручённый в связи с 90-летием автора, «Дружбы», высшую награду РПЦ – орден Святого апостола Андрея Первозванного, «Большую литературную премию России» и др. Станислав Куняев живёт для страны, работает для народа, оставляет ему, народу, большое духовное наследство.

*2 декабря 2022 года. Москва,
на улице снежно и минус семь градусов*

АЛЕКСАНДР МАХНЁВ

Покаяние

Повесть

Никита живо отреагировал на звонок в дверь. Попытался было проехать в холл, но левое колесо инвалидной коляски безнадёжно заклинило. Помощница по хозяйству, Вера Петровна, мурлыкая песенку, трудилась на кухне, за шумом телевизионной трескотни и звоном посуды звонка не слышала, к тому же дверь на кухню была прикрыта.

Чертыхнувшись и рассчитывая, что Петровна услышит, крикнул.

– Вера! Звонок. Подойди к двери!

Молчание. Покрутив головой, взглядом нашёл лежащую на краю стола книгу, дотянулся до неё и швырнул в кухонную дверь. Получилось удачно, и стекло не разбил, и хозяйку напугал. Словно ошпаренная, та выскочила в коридор.

– Что? Что случилось, Никитушка?

Валевич недовольно поморщился.

– Что, что... Не слышишь, звонок...

Махнёв Александр Владимирович. Профессиональный военный. Полковник в отставке. Имеет правительственные награды, в том числе орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР третьей степени», юбилейные и памятные медали.

С 2010 года активно занимается творческой деятельностью. Прозаик. Автор двадцати двух книг. Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии имени Маршала СССР Крылова Н.И. (2017 г.), национальной литературной премии «Писатель года – 2017» (3-я Премия в основной номинации РСП), Всеармейского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья» (2018 г.).

Вера Петровна, вытирая полотенцем руки, засемила к двери. Щёлкнул замок, послышались привычные причитания.

– Ноги, ноги вытирай, вон сколько грязищи на ботинках тащишь. Спусти пару минут вновь раздался её голос:

– Вы к кому?

Никита усмехнулся – женщина в своём репертуаре. Ей лишь бы грязь в квартиру не нанести, а кто явился, зачем, почему... Может, человек адрес попутал, но ей всё не важно, лишь бы грязь не принёс. Он пытался прислушаться к разговору у двери – тщетно, вошедший, в отличие от громогласной Петровны, говорил вполголоса. Валеви́ч потерял интерес к происходящему, удобнее устроился на своём вечном спутнике – инвалидной коляске, и прикрыл глаза.

Но вот чуть громче прозвучал голос незнакомца.

– А он не спит?

Вера Петровна, бочком двигаясь впереди гостя, замахала руками.

– Да нет, что вы, не спит... Проходите...

Вошедшего Никита не видел, впрочем, оно и понятно, хозяйственная Петровна выключила свет в коридоре. Её патологическое стремление на всём экономить Валеви́ча раздражало. Вот и сейчас он не понимал, кто переступил порог, в проёме появился лишь силуэт. Щурься не щурься, в темноте человека не узнать.

Силуэт тем временем ожил.

– Кит! Ты ли это?

Никита насторожился. Голос, точнее оттенок, интонация, показались ему отголоском далёкого прошлого.

Гость тем временем уверенно шёл к коляске.

– Никитка! Не узнаёшь? Это я, Володя.

Валеви́ч вцепился руками в подлокотники.

– Лезнов?

Владимир подбежал, присел, попытался обнять Никиту, да неудачно, чуть не свалил того на пол.

Валеви́ч рассмеялся.

– Тихо ты, медведь!

Эта фраза перечеркнула всю неловкость ситуации. Со стороны действительно смешно: огромный гость с большой сумкой в руке, согнувшись пополам, пытается обнять человека, сидящего в коляске, того и не видно из-под рук.

Петровна, охнув, выхватила портфель из рук Лезнова.

– А тяжесть какая! Ты что, кирпичи в нём носишь?

Мужчины рассмеялись.

– Вовка! Какой же ты огромный! Дай хоть рассмотрю... С коленей встань. Вон стул, присядь. Присядь, говорю.

Лезнов тяжело поднялся, сел на стул, тот натружено скрипнул.

– Ух! Старость не радость. Сколько же мы лет не виделись?

Валевич ладонью вытер взмокший лоб.

– Считаем. В училище поступили в шестьдесят седьмом... Окончили, дай бог памяти, в семьдесят втором. На дворе нынче две тысячи двенадцатый. Все эти годы не встречались. Значит, прошло сорок лет, сорок лет не виделись. Ничего себе...

Стоящая рядом с мужчинами Петровна лишь удивлённо крутила головой. Однако уяснив, что встретились друзья юности, заголосила:

– А боженьки! Сорок лет не встречались... Никитушка, я стол накрою, чай попьём, у меня и пирог есть.

Лезнов, посмотрев на даму, хохотнул.

– Какой пирог? Виски выпьем, я закуску принёс, знаю, снег на голову не совсем приятная штука, потому запасся. Хозяюшка, посмотри в сумке, всё что есть давай к столу.

Вера Петровна кивнула и с портфелем в руках удалилась. Владимир с улыбкой посмотрел вслед.

– Прыткая женщина. Извини, а кто она?

Валевич махнул рукой.

– Домоправительница. Давно со мной, а как в кресло присел, так почти постоянно. Прижилась, член семьи, одним словом.

Лезнов кивнул.

– Как Фрекен, значит.

Никита удивлённо посмотрел на товарища.

– Какая Фрекен?

– Персонаж мультика о Малыше и Карлсоне.

Никита рассмеялся.

– Нет, Петровна далеко не Фрекен, добрейшей души человек, с виду грозная, а так хорошая женщина.

Лезнов качнулся на стуле, тот вновь скрипнул, вновь пошатал, но убедившись, что стул держит, продолжил сыпать вопросы.

– А жена? Дети? Где они? Ты что, один живёшь?

Валевич махнул рукой, дескать, не спеши, дружище, всё расскажу.

– Потом, потом! Лучше помоги разобраться, почему эта чёртова телега не движется.

Лезнов подошёл к тележке, встал на колени, осмотрел колёса.

– Сейчас, дружище... Всё здесь просто, фиксирующий ремень на колесо намотался. Сейчас мы его уберём. Держись крепче. Сейчас, сейчас... Вот и всё. Пробуй.

Валевич покрутил колесо, коляска свободно двинулась.

– Спасибо, а я и не видел, как ремень заскочил.

Лезнов сел на место.

– Бывает. Рассказывай, сорок лет позади. Как ты всё это время жил?

Никита укоризненно посмотрел на товарища.

– А ты что, уже уходишь? Тогда ответ прост – жил не тужил, живой, как видишь. Правда, слегка подпорчен, ноги не работают, инсульт позади, но ничего, терпимо.

Владимир стушевался, понял бестактность вопроса.

– Кит! Ты извини, просто давно не видел, вот и порю чушь. Извини. Спешить не спешу, я ведь специально к тебе приехал, коли не выгонишь, и заночую.

Никита примиряюще поднял правую руку.

– Прощён! На краба!

Лезнов пожал протянутую руку.

– Краба! С бурсы ещё помнишь. Да, были времена...

В гостиную вошла Петровна. Домашний халат заменён, на ногах туфли-лодочки, на голове аккуратная причёска, на лице добрая, мягкая улыбка – красавица-женщина и только. Но самое главное, в руках поднос. А уж там, там чего только нет...

Лезнов невольно сглотнул слюну.

– Мальчики, присаживайтесь.

Поставив поднос на стол, Вера Петровна подошла к Валевичу, сноровисто, видно было, не впервой, подкатила коляску к столу. Переставила закуску на стол, вновь удалилась. Через минуту на столе появилось горячее.

– Никитушка, ты уж тут сам покомандуй, а я в магазин, кофе, чай надо купить. Может, ещё чего? Ну, я скоро.

Валевич кивнул, потянулся к бутылке, далековато. Лезнов, видя потуги приятеля, помог. Неспешно откупорил бутылку, пододвинул стаканы, налил коричневатую жидкость, вопрошающе посмотрел на Никиту.

– Что положить?

Тот пожал плечами.

– Всё подряд, я всеядный.

Лезнов, взяв стакан в руку, поднялся.

– Не могу сидя говорить... Сорок лет. Боже! Вечность! Никитка, друг мой, давай за нас выпьем, за эту встречу, за ребят...

Валевич протестующе поднял руки.

– Нет! Ты в один тост всё не мешай. Давай за встречу!

Они выпили. Помолчали. Владимир вновь налил.

– Повторим?

– Почему бы и нет? Давай за нашу молодость.

Вновь выпили. И вновь помолчали.

Никита, чуть оттолкнувшись, откатился от стола, положил руки на подлокотники, откинулся удобнее в коляске. Шутливо нахмурился и, стараясь выглядеть строгим, произнёс:

– На правах хозяина предлагаю следующий регламент. Начинаешь говорить ты. Сорок лет не появлялся, за это нужно наказывать. Телефон – вот он, на столе. Компьютер – в спальне. Почтовое отделение у дома. Итак, слушаю, что в оправдание скажешь?

Лезнов, взяв ломтик лимона, положил в рот, не морщась, пососал. Отложил дольку на тарелку.

– А что тут оправдываться? Конечно, виновен. Строго не суди. После училища уехал на Байконур, затем академия – Москва. Чита. Иркутск. Вновь Москва. Кстати, в Даугавпилс заезжал, год уж и не помню. К тебе заходил, другие люди живут, сказали, прежние жильцы, то есть твои родители, уехали в Россию.

Усмехнулся.

– Следы замёл обстоятельно. Так что не знаю, кого и наказывать. Ну а пять лет назад через интернет нашёл многих сокурсников. Вася Михайлов и рассказал, где ты и что с тобой произошло. А вот добраться смог только сейчас, сам понимаешь, перестройка, увольнение, поиск работы. Только в двухтысячных смог встать на ноги. Работаю, работа хлопотная, но престижная, в небольшой, достаточно крепкой конторе держусь, оргтехникой занимаюсь. Женат, детей трое. В тылу всё в порядке: машина, дача, собака, кот, гараж, подвал, удочки, сад – всё как у людей. Кстати, Ник, а ты о наших парнях знаешь? Кто где? Живы ли? С кем связь поддерживаешь, а?

Валевич, не чокаясь, сделал глоток. Отставил стакан.

– Ты понимаешь, я после увольнения из армии никого видеть не хотел, тем более наших. Вы капитанами, майорами, подполковниками становились, а я изгнанный из войск летёха. Изгой, не ровня бывшим однокурсникам, хотя в училище по учёбе, ты помнишь, всегда впереди был, не в первых рядах, но во второй десятке точно.

Лезнов удивлённо посмотрел на товарища.

– Это что за мысли такие? Ты в своём уме?

Валевич усмехнулся.

– Да, были такие мыслишки, вредные по сути, это уж я потом понял. Затем улыбнулся, подтянул кресло к столу.

– Ладно! Прощён! Наливай!

Вновь выпили. Теперь без тостов. По лицам друзей было понятно, сердца их в далёком прошлом, о котором почти не говорили, но вспомнили, всё вспомнили и всех вспомнили.

Прервал затянувшуюся паузу Владимир:

– Рассказывай, друг мой.

– Что тут рассказывать? – начал Никита. – Поначалу всё было хорошо, даже отлично. Я ведь в родные места получил распределение, в Прибалтику. Сам знаешь, в наших краях в любом месте прекрасно: всё обжито, опять же, природа-матушка, леса будто подметены, дороги ровные, люди хорошие. Встретили прекрасно, ничего не скажу. Командир полка – душка, сразу пообещал продвижение по службе. Как оказалось, он сам наше училище окончил. В дивизионе тоже приняли по-доброму, комбат...

Да что там говорить, всё по-людски.

Шефом ко мне приставили капитана, была в полку такая традиция. Тот в гостиницу определил. Со своего домашнего телефона дал жене позвонить. Говорит, ты скажи, мол, через неделю приезжай, здесь месяц перекантуетесь, а потом квартиру получите, два офицера семьи вот-вот должны забрать, в академии поступили. Здесь с жильём проблем нет.

Ты представляешь?

Одним словом, всё отлично.

Жена выслушала и говорит, дескать, если месяц, то это не срок, пока я в Даугавпилсе поживу – работа, родители и прочее, к чему нам гостиница? Тем более по специальности устроиться вряд ли в гарнизоне возможно.

Что же, логика в этом была. Так мы и решили.

В гостинице в комнате нас трое было, я, прапорщик – их тогда только вводили – и сверхсрочник. Парни молодые, приткие, из бывших солдат. Познакомились, даже для порядка по сто граммов спирта выпили.

В батарею у меня в непосредственном подчинении были трое, все сержанты и по возрасту почти годки, один осенью увольнялся, двоим ещё полгода оставалось служить. В специальности асы, меня как няньки опекали. Спрашивается, что же не служить и не расти?

Проходит неделя, вторая, месяц прошёл. Я на допуск к самостоятельной работе сдал, на первое дежурство заступил. И надо же было беде случиться. Мой шеф, тот самый капитан, что был прикреплен в порядке помощи, Полушкин фамилия его, помирать буду, не забуду эту тварь, подставил меня. В один из дней он по дивизиону дежурил, я в батарею оставался, начальник дежурной боевой смены пуска ушёл в гостиницу отдыхать. Приходит Полушкин в батарею, дежурный обязан проверять службу. Я к нему, представляюсь – всё по уставу, так, мол, и так, всё в порядке, батарея отдыхает. Он рукой махнул: «Отставить», – и в канцелярию, я за ним, он ведь служба. Иду и чувствую, спиртовой шлейф за капитаном тянется. Уж не пьян ли? Сел он в кресло комбата, в глаза смотрю – точно пьян, на подпитии приличном, разве что не качается.

Говорю, Николай Степанович, вы же на службе, разве можно выпивать? А он – молчи, сопляк, много ты понимаешь, подай лучше графин с водой. Сбегал за водой, ставлю графин на стол и тут слышу, дежурный по батарею рапортует: «Товарищ подполковник, третья стартовая батарея отдыхает. Дежурный по батарею сержант...», ну и так далее. Дверь канцелярии открывается и входит начальник тыла полка, он в тот день в части был ответственным.

Немая сцена.

Старый хрыч опытным нюхачём был, к тому же вредным до невозможности, это мне потом ребята рассказали, я, честно говоря, его в тот день впервые и увидел.

Шум, гвалт.

Раскричался подполковник: «Почему пьянствуете, да как вы смее-те?! Вы, лейтенант, ещё и на боевом дежурстве! Это воинское преступление! Я вас отстраняю от несения дежурства, вас, капитан, снимаю с наряда». Пистолет забрал у Полушкина – и на выход. Через час в дивизионе сидело всё начальство: заместитель командира полка,

командир дивизиона, комбат, даже секретарь комитета комсомола приехал, а как же, небывалый случай – два офицера успешного ракетного дивизиона пьяны. И ведь никто не спросил, пил я, не пил. Стою как мебель. Только рот открывать, дескать, не пил, – тут окрик: «Молчать! Я не спрашиваю почему, я спрашиваю – почему!!!»

«Так ведь я...»

Вновь: «Молчать».

Покричали полночи, покричали и разошлись. Поутру меня в полк повезли. Накануне ночь не спал, всё думал, как же так можно невинного человека поедом есть. За что? Чем я не угодил? И решил сам на абордаж идти, кто бы каких собак на меня ни спускал.

Стою в приёмной у командира полка, стою, потею. Час стою, второй пошёл. Всё внутри перегорело, думаю, пропади оно пропадом, вот сяду сейчас и рапорт на увольнение напишу. Слышу: «Валевич! Зайдите».

Вхожу, докладываю по форме, кто я и прочее...

Командир встал, подошёл, стал рядышком, чувствую, принимаю, стоит и в глаза смотрит. Этот человек был первым, кто спросил – пил я или нет. Да нет же, говорю, не пил, в рот не брал! Мне что, побойться? Командир продолжает, а почему, мол, вид жёванный, круги под глазами. Ну, уж тут я обнаглел. Говорю: «А вы как думаете?»

Пауза.

Полковник в лице изменился: «Ты, лейтенант, не наглей! Не пил – значит не пил. Верю. Иди».

Повернулся и вышел. Смотрю, в приёмной всё полковое начальство собралось. Вышел, а начальство к командиру. И начались разборки. Уйти не могу, команды не было. Сижу, слушаю. В кабинете командира шум, как в канцелярии батареи накануне: «Я не спрашиваю почему! Я спрашиваю – почему!!!»

Закончился сей эпизод для меня удачно: никто никаких претензий мне не предъявил, однако никто и не извинился. Даже грёбанный Полушкин, отсидев пять суток на гарнизонной гауптвахте, не соизволил слово в моё оправдание молвить. Ну и я с ним не общался. Так, по службе, при необходимости разговаривали, но чтобы заговорить в курилке или в машине по пути в гарнизон – ни-ни.

Всё то время, что Валевич рассказывал, Владимир улыбался и даже рассмеялся, когда Никита говорил, как в кабинете командира потел.

– Ну ты, брат, даёшь. Смех, да и только. Помню твои шуточки на курсе, помню. И что, так вот вся служба и шла?

Лезнов поднялся, взял стакан в руки и запел:

*Веселья час и боль разлуки
Хочу делить с тобой всегда.
Давай пожмём друг другу руки,
И в дальний путь...*

Однако Валевичу не было смешно. Он перебил товарища.

– Вот-вот. Верно подмечено: «И в дальний путь...» Ты понимаешь, никто ни в чём тогда меня не обвинил, но меры всё же были приняты. Так сказать, меры профилактические. Ровно через неделю я был сослан в дальний дивизион, на равноценную должность. Сослан с формулировкой – «служебная необходимость». Вроде ничего не изменилось: тот же полк, должность равноценная и прочее, прочее. Но так кажется. На самом деле езды на зимние квартиры от дивизиона почти на час больше, батарея не из лучших, моя была отличной. Ладно, придётся, думаю, потерпеть, нам ещё в училище велели готовиться к трудностям. Однако хуже было то, что обещанное жильё ушло другим, моя Маринка, приехав, выдержала гостиничный быт лишь месяц, затем распрощалась и была такова, да и я удила закусил, мол, уходя, уходи. Развод с ней оформили по почте. Это был удар под дых, как говорят. Но и это ничего, перетерпел бы, женитьба дело такое... Хуже было то, что произошедшее тогда в третьей батарее каким-то образом оказалось сфальсифицировано. Я позднее понял, что случилось – засранец Полушкин пустил слушок в дивизионе, что я всё же пил с ним, а после пьянки сдал его приехавшему для проверки заместителю по тылу. Большую подлость и не придумаешь. Вот какой поворот. И не отмоешься. Хотя...

Никита, потупившись, замолчал.

Молчал и Лезнов. Пауза была тягучей, напряжённой, но мужики не хотели её прерывать. Иногда помолчать лучше, чем что-то говорить.

Продолжение следует.

НИНА НАЗАРОВА

Обида

Уже несколько часов она ворочалась в постели, никак не могла уснуть. Горло тугой удавкой сдавила глубокая обида. Воздуха не хватало. Она пыталась вдохнуть полной грудью, но в лёгкие попадали лишь жалкие воздушные струйки. В голове промелькнули когда-то прочитанные строки: «Мне воздуха глоток, его мне не хватает, иначе я умру. И умирает...» Сейчас она проживала то состояние, на которое тогда только хмыкнула: «Интересненько», – вот и вся реакция. Оказалось, что это было в точку – мне воздуха глоток, его мне не хватает. Иначе я умру...

Умирать ей не хотелось. Не верилось, что это может произойти с ней и сейчас. Она хотела громко крикнуть, чтобы кто-нибудь услышал и помог. Но рот только беззвучно, лихорадочно открывался и закрывался. Да если бы она и закричала, кто бы услышал? Жила-то одна... Так сложилось.

Тяжело сдавило сердце. Она попробовала произнести какие-то слова, но не могла вспомнить ни одного – ум подал в отставку. Голова звенела от пустоты. Тогда она сдалась и стала просто наблюдать за тем, что происходит с ней и в ней.

Назарова Нина Павловна родилась в 1951 году в Подмосковье. Живёт в Москве. Образование высшее (химик-технолог). Писать начала в начале 2000-х гг. В основе творчества – небольшого формата новеллы романтического и притчевого содержания, зарисовки о природе, стихи. Главное в них – любовь, вера, надежда на сохранение нравственных качеств человека.

Учится на актёрском курсе московского Театрального центра «Станиславский». Ведёт клуб «Друзья поэтов».

Обида... На кого? На уехавших детей, ушедшего мужа, на людей, на судьбу, на жизнь?! Да, по-крупному она обижалась именно на жизнь и сейчас каждой клеточкой чувствовала, как эта жизнь из неё уходит.

Ноги. Они вдруг очень замёрзли, как будто отключили обогрев. Энергия матушки Земли её больше не питала, не могла к ней пробиться. Обида перекрыла эту связь. Холод леденяще полз выше. Кровь стыла в жилах. Страх... Он парализовал её. Она вдруг увидела двух монстров – обиду и страх, один под стать другому. Только они. Всё в ней было подвластно им, всё, кроме тоненькой серебряной нити, слабо светящейся в их тьме. Она интуитивно поняла, что это помощь, спасение. Откуда-то из глубины сознания выплыли слова молитвы, и свет стал ярче. В ней мелькнули искры Веры и Надежды, усилившие молитву. Она вспомнила про Бога. За всю прожитую жизнь ни разу не обращалась к нему. Не верила?! Нет, просто не обращалась... А сейчас как будто старая плотина не выдержала потока, и её прорвало. Жизнь наполнялась смыслом... Она осознала, что все эти годы взращивала и с усердием растила в себе, тщательно оберегая, ростки обиды, а с ней и страха.

Сейчас она видела плоды этих трудов. Каждый из монстров был могущественен и претендовал на первенство. А что она? Она хотела жить, и не просто жить, а счастливо. Обида и страх, уже праздновавшие победу над ещё одной побеждённой душой, оторопели. Она смогла принять всё, что с ней произошло, не протестуя, не жалея себя, не плача, а с покаянием, Она благодарила Бога радостной улыбкой. Глаза её были светлы и чисты. Лицо спокойно и прекрасно. Она была готова и к жизни, и к смерти. Именно эта готовность принесла неожиданное освобождение. Оно физически ощущалось в появившейся лёгкости тела, по которому разливалось живительное тепло. Холод отступил В голове пронеслась мысль: «Слава Богу! Жива!»

Монстры исчезли. Их больше не было! Но она уже чётко знала, что для их появления и роста достаточно и одной жалостливой мысли о себе. Выкорчевать же их могло только бескорыстное служение другому человеку.

Ночь прошла. Небосвод окрасился на востоке розовыми оттенками восходящего солнца. Слышалось пение птиц. Она с трудом встала, подошла к окну, настежь распахнула его, приветствуя рождение нового дня Земли и свою, отныне тоже новую жизнь – с Богом! С Верой! С Надеждой! С Любовью!

Да будет так во все дни!

ВАСИЛИЙ ПОЛЯКОВ

Сладкие шутки короля

Компания сложилась ещё в студенческие годы. Конечно, она видоизменялась с годами, но по духу оставалась прежней. Встречи были приятны тем, что на них царил дух интереса друг к другу, озорства, веселья, лёгкого подтрунивания и вместе с тем жажды общения, узнавания чего-то нового, неожиданного, незаурядного. Можно было позволить оказать внимание даме во время застолья или танцев, можно было проявить себя хорошим рассказчиком или бардом, а можно было просто подвинуть всю компанию к прогулке по лесу или катанию в возках, запряжённых лошадьми. Мы уже были в том возрасте, когда каждая семья владела отдельной квартирой в городе и загородным участком с дачей, взрослые дети стремились отдыхать без нас и только ждали, когда же родители наконец оставят их полноправными хозяевами городских квартир (ну хотя бы на время!). Самыми счастливыми для этого были новогодние праздники и новогодние каникулы. А поскольку все из компании привыкли работать много и отдавались избранному делу в охотку, с душой, редкие встречи как-то особенно запоминались.

Поляков Василий Евгеньевич родился в Москве 4 июля 1938 г. Доктор медицинских наук, профессор, врач высшей категории, Почётный донор СССР. Академик Международной академии информатизации ООН и Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Автор свыше 700 печатных научных работ, в том числе 15 монографий, 2 авторских свидетельств, 1 товарного знака, 9 рационализаторских предложений. Издал 8 книг художественной прозы и стихов.

Так случилось и в эти новогодние каникулы, которые начались уже тридцатого декабря. На этот раз мы собрались на даче Аристарха Проколова. Отменный хозяин и семьянин, он в своё время купил четыре участка земли по шесть соток, только что закончил строительство и отделку своего деревянного дома, походившего больше на урбанистические поиски архитекторов эпохи раннего конструктивизма. А вот внутри дом был уютным, просторным, приспособленным под любые прихоти хозяев и гостей.

Пропущу все хозяйственные хлопоты и первое застолье. Потом была небольшая прогулка и танцы. И вот, представьте себе, что все уже за сервированным столом. Конечно, как и положено по традиции, тамадой избрали Аристарха.

И вдруг с места вскочил общий любимец Михаил Подгаец и заговорил.

– Дорогие друзья, уважаемый тамада! Думаю, что после танцевального перерыва мы все встряхнулись, сняли городскую усталость и готовы снова хорошо праздновать, то есть говорить тосты, поднимать бокалы, дегустировать изысканные напитки и замечательного качества блюда. А пока вы будете наполнять бокалы, раскладывать закуску по тарелкам, ухаживать за дамами, я хочу вернуть вас к бесконечно волнующей теме взаимоотношений мужчин и женщин, к теме любви и любовных страстей. Предлагаю окунуться во времена, знакомые нам из романов Александра Дюма.

Итак, Франция, XVI век. В конце XVI века Францией правил король Генрих IV Наваррский. Его законной супругой была королева Маргарита Наваррская, знаменитая «королева Марго», одна из дочерей итальянки Екатерины Медичи.

Известно, что Генрих Наваррский очень любил женщин и совершил много подвигов на любовном фронте, причём он никогда не проявлял настырной грубости, умел выжидать и не обижаться, всегда проявлял свою страсть романтично, возвышенно и никогда не пользовался своей королевской властью для устрашения или наказания капризного или неприступного объекта своей страсти.

Как-то среди других красавиц Генрих IV обратил внимание на прелестную восемнадцатилетнюю Габриэль д'Эстре, дочь генерала Антуана д'Эстре и его супруги Франсуазы. По воспоминаниям одной придворной дамы, Габриэль отличалась несравненной красотой. Богатая причёска, украшенная оправленными в золото

бриллиантами, выгодно выделяла её среди многих других дам. Хотя она носила платье из белого атласа, оно казалось серым по сравнению с природной белизной её тела. Глаза её небесного цвета блестели так, что трудно было определить, чего больше в них: сияния солнца или мерцания звёзд. У нее были соболиные, тёмного цвета изогнутые брови, слегка вздёрнутый носик, рубинового цвета чувственные губы, грудь белее и глаже слоновой кости, а руки, кожа которых могла сравниться лишь со свежестью лепестков роз и лилий, отличались таким совершенством пропорций, что казались шедевром, созданным природой.

Габриэль уже успела побывать любовницей трёх мужчин: кардинала де Гиза, герцога де Лонгвилля и герцога Роже де Белльгарда. Но надо сказать, что Роже де Белльгард и Габриэль д'Эстре покорили друг друга и воспылали такой взаимной страстью, что начали мечтать о свадьбе, чтобы соединить свои судьбы в семейный союз.

Но родители Габриэль, зная безудержно рискованный характер дочери, боясь за её непредсказуемое будущее до замужества и руководствуясь меркантильными и сословными условностями, насильно выдали дочь замуж за знатного дворянина, который был по возрасту значительно старше неё. После замужества оказалось, что выбранный родителями муж совершенно неспособен к полноценной семейной жизни. Муж Габриэль, извините за подробность, оказался полным импотентом.

После замужества Габриэль женился и герцог Роже де Белльгард, хотя он был абсолютно равнодушен к жене и продолжал любить Габриэль.

В конце концов, настал такой момент, когда Габриэль впервые увидел король Генрих Наваррский. И как только Генрих IV увидел 18-летнюю красавицу в сопровождении Роже де Белльгарда, он мгновенно зажёгся и воспылал к ней неукротимой страстью.

Как поступают в таких случаях короли? А вот как. Генрих потребовал, чтобы Белльгард немедленно оставил все свои притязания на Габриэль. Король даже настаивал, чтобы Белльгард сам уговорил свою любовницу отдаться монарху!

И что же? Роже Белльгард почувствовал себя оскорблённым до глубины души и... смирился с королевским приказом.

А вот Габриэль отказалась смириться. Она честно и бесстрашно ответила королю, что любит Роже де Белльгарда и никогда не по-

любит никого другого. И уж наверняка она не полюбит его, Генриха Наваррского, потому что он ей несимпатичен и даже неприятен!

Это была неслыханная дерзость. При другом короле за подобный ответ женщина могла поплатиться головой.

Но Генрих Наваррский не был жесток. И очень любил женщин. Отказ красавицы только раздул костёр в его сердце.

После такого разговора короля с очень понравившейся ему женщиной незаметно пролетело достаточно много времени и случилось ох как много важных неординарных событий.

Королю пришлось достаточно долго вести политическую и военную борьбу против католиков, так как сам он был гугенотом. Члены семьи Габриэль д'Эстре пострадали от католиков: её отец и дядя потеряли посты губернаторов, а любовник тётки – управление одной из провинциальных территорий.

Поскольку неутолённая любовная страсть короля не утихала, тётка Габриэль, госпожа де Сурди, решила от имени всего семейства д'Эстре сделать Генриху недвусмысленное предложение. Если король вернёт губернаторство отцу и дяде красавицы, а любовнику госпожи де Сурди управление территорией, она обещает, что всё семейство заставит Габриэль не только отказаться от Роже де Белльгарда, но и уступить страстным желаниям короля.

В это же время военная обстановка во Франции складывалась так, что благоприятствовала походу Генриха на Руан – крупный, стратегически важный город, являвшийся пока надёжной крепостью католиков. Но для выполнения сговора с госпожой де Сурди королю было важнее взять город-крепость Шартр.

И политическая, и военная борьба для Генриха Наваррского оказались делом менее важным, чем возможность (согласно сговору с родственницей Габриэль) овладеть неприступной женщиной. Король отдал приказ и развернул свои войска в сторону Шартра. И сторонники короля, и особенно военачальники были опечалены, но перечить королю не стал никто.

После мучительной двухмесячной осады Шартр пал. Король немедленно распорядился выполнить то, что обещал, а тётка и отец сей же час принарядили Габриэль и повезли её в Шартр в качестве изысканного дара победителю – королю Генриху Наваррскому.

Король упивался своей победой, но, разумеется, не над городом Шартром, который был ему безразличен. Наконец-то он смог овладеть вожаделенной женщиной!

Сторонники Генриха советовали ему развить военный успех и немедленно двинуться в Нормандию. Куда там! Король уехал вместе с Габриэль в её замок в Кевр.

В Кевре Генрих провел с Габриэль несколько блаженных недель. Вот так он праздновал свою долгожданную победу, отнюдь не военную, а над женщиной, которой добивался несколько лет.

Генрих был счастлив, но Габриэль не смирилась с ролью любовницы короля. Она мечтала о другом...

Война с Католической Лигой продолжалась, и король был вынужден отлучаться из своей резиденции Сен-Дени (в ту пору Париж ещё не принял короля-гугенота, и Генрих IV оставался «королем без столицы»). В отсутствие короля Габриэль оставалась совсем одна хозяйкой роскошных королевских покоев.

И Габриэль д'Эстре не теряла времени даром. Во время отлучек короля она звала к себе герцога де Белльгарда. А надо прямо сказать, что Белльгард в этот период боялся ревности короля куда меньше, чем ревности отвергнутой женщины. Он знал, Генрих неизменно благороден по отношению к соперникам. А Габриэль... О, упаси бог обидеть её! Разгневанная невниманием или пренебрежением, обиженная Габриэль вполне могла выкинуть каприз и отправить Белльгарда на эшафот. Ведь Генрих Наваррский исполнял все капризы Габриэль д'Эстре!

Вскоре королю вновь пришлось покинуть возлюбленную и двор, дабы присоединиться к войску для решающей битвы с армией принца Пармского.

И Габриэль снова написала герцогу де Белльгарду и пригласила его к себе в Сен-Дени.

Влюбленные провели вместе несколько прекрасных недель, когда вдруг, без предупреждения, не послав впереди себя глашатая, прибыл король... Курьёзная ситуация легла в основу анекдота, рассказывавшегося при дворе Франции и много лет спустя.

Белльгард был в постели с Габриэль, когда послышались шаги и бодрый голос Генриха Наваррского. Перепуганный насмерть герцог нырнул под кровать и затаился там... Король вошёл в опочивальню Габриэль, увидел её – обнаженную, томную – и возжелал немедленно обладать ею. Что и свершилось прямо над головой распростёртого на полу Белльгарда.

По полу гулял сквознячок, и несчастный любовник простудился... А король имел пристрастие после любовных утех съесть тарелку

своего любимого сливового конфитюра. Он и сейчас позвал служанку и потребовал лакомство. И только начал есть, как Белльгард чихнул под кроватью!

Габриэль сомлела от ужаса, а Генрих Наваррский сунул под кровать тарелку с конфитюром и сказал: «Поешьте! Ведь вы любите сладкое!»

Король потом сам рассказал «анекдот» придворным в присутствии сгорающих от смущения Габриэль д'Эстре и герцога де Белльгарда. И громче всех хохотал...

Несчастный, пристыженный, осмеиваемый всеми Белльгард уехал домой к жене. И никогда больше не приближался к королевской фаворитке.

Вот так Генрих Наваррский победил соперника самым страшным оружием – насмешкой.

Предлагаю поднять бокалы и выпить это замечательное искристое шампанское за любовь, страсть и сладкие шутки по-королевски!..

...Через тринадцать лет по окольно дошедшей до меня информации из совсем разных источников я узнал, что тот Мишкин тост спас от развода минимум две семейные пары.

ИРИНА САБЕННИКОВА

Трудно стать человеком

История с географией

Жизнь шла сама собой, по инерции. Природа создала защитные возможности для детской психики и вот ты уже глядишь на мир, словно сквозь стекло и все плохое будто бы видишь со стороны и оно, это плохое, не совсем твое, а само по себе.

Пришло неожиданное письмо от тетки, сестры матери. Оказалось, что мать, чувствуя себя плохо, попросила ее взять к себе Саньку. Единственный сын тетки Коля, погиб год назад где-то под Ново-Московском. Вслед за письмом пришел и вызов, разрешающий ему, Саньке, ехать через всю страну аж к Черному морю, прежде он дальше Горького никуда и не ездил. Желание увидеть море, о котором он только читал и то волнительное ожидание путешествия победили в нем всякий страх перед неизвестностью. Практическая сметка, выработанная за голодные военные годы, подсказала, что надо продать все, что только можно продать. Единственно, что продать он не мог были отцовские вещи – сапоги, военный френч и медвежья шуба, которые, мальчик был в том уверен, понадобятся отцу по возвращении.

Сабенникова Ирина Вячеславовна родилась в городе Балашове Саратовской области, окончила истфак СГУ. Доктор исторических наук, член Союза писателей России, член-корреспондент Российской академии словесности. Автор пяти поэтических и пяти книг прозы, вышедших в разные годы. Публиковалась в литературных журналах «Вестник Европы», «Москва», «Волга XXI век», «Российский колокол».

Со всей этой кутерьмой Санька бы сам не справился, но помогла соседка тетя Глаша, добрая, отзывчивая женщина, взявшая над пареньком шефство. Тети Глашина дочка Валя – бойкая, веселая девочка лет десяти, ходила с Санькой на базар, звонким детским голосом привлекая покупателей и отчаянно торгуясь. Они же – тетя Глаша и Валя, посадили его на поезд и Санька отправился в неизвестность.

Первые приключения начались через пару часов, когда состав, дойдя до узловой станции, вдруг встал, и мальчик понял, что сел не на тот поезд. Сидя на чемоданах, голодный и растерянный, он ждал поезда на Москву. Вокруг сновали люди, которым не было до него дела, от всего этого клонило в сон, но проспять поезд было страшно, и Санька то и дело тер глаза.

– Ты чо куркулём сидишь, даже поссать не отойдешь? Я за тобой давно наблюдаю.

Парень, чуть постарше Саньки в сдвинутой на затылок кепке, щурил в хитроватой ухмылке зеленоватые глаза.

– Московского ждешь?

Санька кивнул.

– Я тоже, – парень присел на каменную тумбу рядом, беззастенчиво разглядывая Санькины чемоданы.

– В Сочи едешь? – он показал глазами на бирки, привязанные бечёвкой к их ручкам, – ну и дурак, в Москве сытнее.

– Я к тетке, у меня мать умерла.

Парень, игнорируя печальную составляющую, которая была ему не интересна, вдруг предложил:

– Чо к тетке, она поди и не рада будет, нахлебника-то получить. Айда со мной в Москву, у меня и хата есть, вдвоем оно веселее.

«А, может и правда не ехать к тетке?» – мелькнула в голове шальная мысль. Санька взглянул на парня. Одет вроде прилично, улыбается, но вертлявый какой-то...

– Не-е, – протянул он осторожно, – я к тетке. На море хочу посмотреть.

Санька неплохо знал географию, но водить указкой по карте совсем не то же, что постигать эту географию самому. В Москве он еще раз пересел уже на Бакинский поезд, и так добрался до Армавира. На вокзале сдал чемоданы в камеру хранения и вышел в город, следующий поезд уходил ночью.

Вокзальная площадь была большой и пыльной, по краю стояли прилавки и от них, от прилавков, к вокзалу бежал парень, за которым с криком и воплями неслась толпа орущих теток. Парень на ходу рвал зубами хлеб и, не жуя, глотал. Он почти добежал до Саньки, когда его нагнали и принялись колотить. Закрываясь руками от ударов по голове, он проглотил остатки хлеба.

Вечером, забирая из камеры хранения свои чемоданы, Санька разговорился со служащим:

– Ты на земь-то не ставь, воруют, – предупредил тот по-отечески.

На темном перроне, в ожидании поезда, то там, то здесь слышались крики:

Ой, а чемодан-то, чемодан?! – женский недоуменный вопль перебивался другим не столь недоуменным:

– Ах ты, гадёныш, а ну отдай! Отдай, говорю! Милицию позову.

В ответ из-под близстоящего поезда слышался хохот местной шантрапы, промышлявшей на перроне. Милиция, разумеется, ничего сделать не могла.

Фибровые чемоданы были большими и тяжелыми из какой-то другой отцовской жизни, в которой самого Саньки не было. Он из последних сил сжимал холодные металлические ручки, закусив от напряжения губу. Наконец, поезд подали и народ ломанулся в вагоны. Места на полке ему не досталось, пришлось лечь все на те же чемоданы меж полок, да так оно было и спокойней. Уже засыпая, Санька почувствовал, что кто-то осторожно ощупывает ворот его рубахи и инстинктивно, не успев даже подумать, выхватил финку, припрятанную им в кармане. В крошечной темноте вагона ничего не было видно, но любознательный попутчик, почувствовав опасность, исчез. Финка была самодельной, ее сделал брат в один из приездов на каникулы, и мальчик хранил ее как память о том, уже почти забытом времени, когда у них была семья.

Проснулся Санька от бьющего в лицо солнца, которое заполняло весь вагон, весь поезд и, как ему показалось, весь мир. Солнечные лучи плясали на небритых усталых лицах людей, пробивали завесу из бесчисленных пылинок в старом выдавшем виды плацкартном вагоне, взрывали сонную дремоту. Санька вскочил на ноги. За окном точно в счастливом радостном сне совсем рядом синело залитое солнцем море, на берегу стояла белая мазанка, возле которой свечой поднимался одинокий кипарис. Поезд на повороте замедлил ход, и чудесная картина врезалась в детскую память навсегда.

Другая семья

Сочи был прифронтовым городом, народу на перроне было мало, голова кружилась от новых непривычных запахов, которыми был пропитан густой летний воздух.

– Ты что ли, Санька?

Перед пареньком стоял крупный мужчина в полувоенном френче.

– А я-то думаю, как это чемоданы сами идут, экие они здоровые, тебя за ними и не видно, одна только кепка, – пошутил мужчина

– Ну, хватит тебе Костя, на мальчишку нападать, помоги лучше, видишь, он едва стоит.

К ним подошла женщина чем-то неуловим похожая на мать – поворотом головы, цветом волос...

– Тетя Вера? – догадался он.

– Ну, наконец-то, мы заждались, поезд-то опаздывает как всегда, а Косте уже на службу надо, идем, идем, – поторопила она племянника, – дома все расскажешь.

Санька был растерян и сбит с толку настолько, что позволил вымыть себя в корыте точно маленького. Ему было неловко и в то же время удивительно приятно чувствовать, что о нем заботятся, он же уже привык делать все сам, а тут теплая вода, позабытый запах туалетного мыла, мягкое полотенце – все как когда-то, аж плакать хочется.

– Ты ешь давай, вон худющий какой. Тебе сколько четырнадцать, пятнадцать, а все как цыпленок, за чемоданами не видно, – подсмеивался над Санькой дядя Костя. Паренек не обижался, дядя Костя был добрый, но ироничный и совершенно не возможно было понять, когда он шутит, а когда говорит серьезно. Тетя Вера, напротив никогда не шутила, всегда преувеличивая сложности и проблемы, так что они составляли вполне гармоничную пару.

К сентябрю Саньке исполнилось шестнадцать, и он пошел в девятый класс. Его одноклассники большей частью эвакуированные вместе с родителями из Ростова дети – веселые, бесшабашные, совсем не такие, как его прежние дворовые приятели. В них еще было много детства, да и Сочи не Кострома, где кроме картошки и хлеба ничего не было, здесь даже абрикосы на улице растут.

Учеба шла легко, правда никто особенно не заморачивался по поводу ее – все его сверстники думали, как попасть на фронт – кто в поисках приключений, кто -то с тем, чтобы отомстить за смерть

близких. Санька мечтал о фронте из-за брата. Поэтому, едва окончив девятый класс, решил ехать в Одессу поступать в военную школу. Он точно не знал в какую именно, хотелось, конечно, в летную, но тетка была против.

– Хватит мне и одной похоронки, Коля тот то же летать хотел! – говорила она, собирая племянника в дорогу и категорично добавляла: «Только не летная!»

И Санька честно пошел подавать документы в артиллерийскую военную школу, к тому же и выглядела та гораздо представительней летной, наполовину разрушенной во время авиационной бомбардировки. Пришел, встал в очередь из таких же, как и он мальчишек и тут хватился – справки об окончании девять класса нет.

Отбил тетке телеграмму: «Потерял справку, вышлите копию». А на следующее утро порылся в отцовском бумажнике, доставшемся ему, как и все по наследству, и в одном из отделений нашел пропажу.

Опять пошел сдавать документы, только ноги само собой привели все же в авиационную. Так Санька стал курсантом военной спецшколы ВВС.

Учебный корпус после бомбежки сохранился, а вот казарм не было, и курсанты жили в спорт зале – на одном матрасе спали, другим укрывались. Правда в школе кормили, пусть и плохо. Санька адаптировался с трудом. Народ на курсе подобрался разный – одеситы жили по домам и приходили только на занятия, те, что из деревень были прижимисты и необщительны, боясь, таких как Санька, вечно голодных и промышляющих, где бы поесть. Своими неписаными порядками спецшкола больше походила на бурсу. «Очерки бурсы» Н.Г. Помяловского Санька читал, у тетки среди книг нашел.

По началу выручал дядя Костя, прикомандированный к Одесской киностудии, к нему Санька наведывался в субботу после занятий, наедался в прок, а в воскресенье тайком пробирался в просмотровый зал, где отбирались киноленты для широкого проката. Фильмы были трофейные и все больше о любви. Возвращаясь в понедельник в школу, он во всех подробностях пересказывал увиденное ребятам. Но к зиме дядя Костя уехал домой и стало тужо. Как несовершеннолетнему сироте Саньке платили пенсию за погибшего брата, на эти деньги с одним из сокурсников они сняли угол у бабки, торгующей на привозе семечками. Спали в одной скрипучей кровати, но в тепле, а утром бежали к завтраку и на занятия. Вход в комнату был с улицы по длиннющей железной лестнице. Рядом жил парень того же что

и Санька возраста. Хорошо одетый и воспитанный, он, может быть, в силу того, что вся его жизнь определялась и регламентировалась родителями, не предоставлявшими ему никакой свободы, завидовал этим двум бесшабашным сверстникам и время от времени, тайком от родителей, перебрасывал им на балкон буханку хлеба, но от более близкого знакомства воздерживался.

Весной Санька промочил ноги и, заболев ангиной, слег. Вызвали врача, тот посоветовал лечить красным стрептоцидом, которого в послевоенное время достать было трудно, да и стоил он баснословно дорого. Сосед Ленька каким-то образом обо всем узнал и достав лекарство так же без каких-либо объяснений, передал его. Как он это сделал и на какие деньги было не понятно, но благодаря стрептоциду Санька постепенно выкарабкался, хотя и получил осложнение на сердце, из-за чего, по окончании школы, медкомиссия его и комиссовала, выдав белый билет за подписью командующего военным округом Жукова. Иди Санька на все четыре стороны.

Тетка восприняла известие об отчислении племянника спокойно:
– По крайней мере, не убьют.

Но видя, что мальчишка расстроен и не зная куда бы его теперь пристроить, обратилась за советом к начальнику санатория, в котором работала и тот, опытный врач, посоветовал не торопить события, а явиться в военкомат без медицинской справки, поскольку в военное время медсправка не самый главный документ. Он и послал Саньку курьером в Краснодар, где тот, выполнив поручение, зашел в военкомат.

– А, беглец! – встретил его военком, определив по форме, что перед ним выпускник военной спецшколы ВВС, некоторые из которых по окончании курса бежали, не желая навсегда связывать свою судьбу с армией.

– В Харьков поедешь, в училище, – распорядился он, просмотрев Санькины документы и не обратив внимание на отсутствие медицинской справки.

– Сегодня отбываете, никуда не уходить!

В пути

Выпускники Краснодарской военной спецшколы ВВС во главе с капитаном Лариным поместились на крыше поезда, мест внутри вагонов им не нашлось. Поезд шел медленно, часто и подолгу оста-

навливался, августовское южное солнце жарило, что было сил. Кто-то загорал, распластавшись точно на пляже, кто-то играл в карты.

– И что это мы так тащимся? – поинтересовался Вовка, новый Санькин приятель.

– Верно литерный впереди, вот всех и тормозят, – предположил сопровождавший их капитан.

Как бы в ответ на его замечание поезд и вовсе встал прямо посреди поля.

– Гляди, арбузы, – Вовка был глазаст и верток, да и вырос в Грозном, и, что такое арбузы знал хорошо.

– Айда на бахчу, – крикнул он, скатываясь на землю. Несколько ребят с радостью последовали его примеру – есть хотелось всем, да и засиделись, по крыше особенно не походишь.

– Не разбредаться, – крикнул вослед им капитан, – арбузы передавать по цепочке наверх. Много не рвать, поезд сейчас тронется. Молодой загорелый капитан еще недавно был на фронте, но после контузии его поставили командовать мальчишками, к чему он еще не привык, да и был он немногим старше их самих.

– Ты чего на него смотришь, арбузов что ли не видел, – возмущался Володька, видя, что Санька в недоумении разглядывает добытый им трофей.

– Режь, да ешь! Дайка я...

Деловито и не торопясь он разрезал арбуз на несколько неровных кусков и с наслаждением впился в розовую пахнущую патокой и свежестью раннего утра мякоть.

Санька взял другой кусок, украдкой лизнул, боясь показаться смешным, арбузов он действительно никогда не ел, и, ощутив языком бархатистую сладкую мякоть куснул раз другой и уже не мог остановиться.

– Ой хорошо, – заметил приятель, отбрасывая в сторону очередную корку, думал помру с голодухи, живот-то совсем подвело. Повезло нам с арбузами. Его счастливая сплошь покрытая рыжими канапушками мальчишеская физиономия, блестела от арбузного сока, и он время от времени утирался рукавом застиранной гимнастерки.

Поезд подходил к небольшой станции. На перроне было непривычно тихо, ни людей с мешками и чемоданами, нетерпеливо ждущих поезда, ни крикливых торговков, ни даже собак. Но как только состав затормозил на перрон высыпала милиция.

– Спускайтесь по одному, командовал хрипловатый голос снизу, – бежать бесполезно, стреляем.

Ничего не понимая, вслед за капитаном Лариным мальчишки стали спускаться вниз. Они представляли собой довольно необычное зрелище и походили больше на беспризорников, чем на курсантов летной спецшколы – из формы многие выросли, да и сапоги были не у всех, некоторые были в кедах, у кого-то сквозь раскисшие сапоги проглядывали пальцы ног.

– Товарищи, я сопровождаю группу курсантов военной спецшколы, едущих для поступления в Харьковское военно-техническое училище, вот наши проездные документы, – капитан торопливо застегиваясь, достал из планшета бумаги.

– Курсантов? – удивленно переспросил майор, оглядывая разношерстную мальчишескую компанию, – а мы получили телефонограмму, что в сторону Ростова шантрапа едет...

Майор просмотрел документы и вернул их капитану.

– Ну, раз курсанты, то на крыше никак нельзя. Сейчас подойдет поезд, посадим вас в вагоны. Впереди литерный идет, сам Коганович едет, а вы народ баламутите, бахчи грабите.

Майор свое слово сдержал, курсантов накормили и посадили на поезд, так что до Харькова они ехали со всем возможным комфортом в плацкарте.

Последняя ступень

Война проявлялась везде и не так давно освобожденный Харьков то же был разрушен – часть корпусов училища и окрестных зданий были повреждены. Новоприбывших разместили в палатках, поставленных на пустыре среди нескольких сохранившихся домов военного городка, а не в казармах. Хотели выдать им обмундирование, но то оказалось не в меру большим и болталось на тощих мальчишеских фигурах, поэтому они продолжали ходить в чем приехали.

Был конец августа, дни стояли теплые, люди постепенно привыкали к мирной жизни, объявили даже футбольный матч на стадионе Динамо. Должен был играть харьковский «Металлист».

– Слушай, Санька, я тут дорогу разведаль, до стадиона можно задами, через овраг, – объяснял Вовка – заядлый футболист.

– Да нас с тобой на стадион не пустят, – резонно заметил Санька, оглядывая себя и приятеля.

– Так мы и не пойдем, мы на дерево залезем, есть там одно, с него поле как на ладони.

– А поймают?

– Да кто ж нас поймает, со стороны оврага патрулей-то нет. В казармы переведут, другого случая и не будет.

Уйти из училища оказалось несложно, довольно было дойти до туалетов, расположенных на краю городского оврага, а там в поросль ивняка и на другую сторону. Вот и забор стадиона... Пустырь здесь то же зарос невысокой порослью, сквозь которую мальчишки пробирались с молчаливым упорством и вдруг услышали, что кто-то точно так же пробирается им на встречу. Они встретились на прогалине – молодой милиционер, делавший обход территории, прилегавшей к стадиону и два курсанта, у одного из которых сквозь рваный сапог выглядывал большой палец, другой в белых спортивных тапочках. Реакция с обеих сторон была одинаково быстрой: милиционер, оценив ситуацию и решив, что перед ним дезертиры, с которыми ему одному не справиться, бросился назад, ребята, догадавшись, что за одним милиционером могут появиться и другие юркнули в кусты спеша поскорее добраться до училища, о футбольном матче они забыли.

На перепутье

Перед окончательным зачислением в училище, собралась медкомиссия, большей частью военные фронтовые врачи. Санька немного трусил, но деваться было некуда, Вовку вместо себя не пошлешь. Его осматривали немного дольше других, но ничего не сказали.

– Все, теперь выпрут из училища, – сказал он приятелю выходя из медицинской палатки после осмотра.

– Айда, послушаем, там стол у них, – предложил вездесущий Вовка. Ребята обежали палатку и стали ждать, когда начнется обсуждение. Наконец произнесли Санькину фамилию.

– Ну что скажет кардиолог, тут я вижу по записи, что парню не повезло, – произнес начальник медкомиссии.

– Что делать, – отозвался кардиолог, – не всем же воевать. Сердце прямо скажу...

– Отчислять? Жаль парня, сирота...

– Ну, зачем вот так сразу, – кардиолог заколебался, – можно подождать, организм молодой, может и перерастет, а нет, так успеем отчислить.

– Хорошо, так и решим, – заключил начальник комиссии, – оставляем, ему же не летать, училище техническое.

Санька, который кажется и не дышал все то время, пока врачи обсуждали его судьбу, осторожно выдохнул, чувствуя, что с его плеч свалился не то что камень, а целая скала и ощутил себя счастливым.

Через неделю курсанты Харьковского военно-технического училища приняли присягу, детство, трудное военное Санькино детство кончилось.

Последний аккорд

– Санька, ты что ли? – Мишка обошел прежнего приятеля кругом, – ну ты фераер! И лейтенант...

Санька немного смутился, в своей новенькой офицерской форме, которой очень гордился, он вдруг почувствовал себя здесь, на вытопанной дворовой площадке, неловко.

– А к нам чего? У нас такие птицы не летают, мы люди простые, – Мишка досадливо передернул плечами.

– Да вот, шел мимо, гляжу, в волейбол играют, я сто лет не играл, примите? – нашелся Санька.

– Ну, становись, – с некоторым недоверием протянул Мишка, – на подачу...

Санька снял новую скрипучую портупею с тяжелой кожаной кобурой и, повесив все это на столб, к которому крепились волейбольная сетка, встал на подачу.

Некоторых из ребят он узнавал, прошло-то всего ничего, как он уехал, другие были незнакомы. Точным ударом он направил мяч за сетку на край противоположенного поля, где тот совсем не ждали.

– Не играл, говоришь, – усмехнулся Мишка, но по всему было видно, что он доволен, вероятно, они проигрывали.

– Ладно, лейтенант, пойдем, отметим твой приезд, тут на Чайковского пивная есть, – предложил приятель, когда игра закончилась со счетом 21:18 в их пользу, – портупею не забудь.

В пивной было шумно и они, взяв по кружке пива, вышли на улицу.

– Ну, так что приехал? – уже более спокойно поинтересовался Мишка.

– Да, к матери на могилу и вообще, потянуло... – Санька говорил искренне. Эти несколько лет многое изменило в его жизни, но те военные годы остались в нем навсегда.

– Значит, служишь, – протянул Мишка, отхлебнув из кружки, так что над его верхней губой осталась пивная пена. Он как-то совсем по-мальчишески стер ее рукавом рубашки став похожим на прежнего Мишку.

– Служу, – кивнул Санька, ну а вы как – ты, Генка? Что-то я его во дворе не видел.

– И не увидишь, – Мишка вновь сделал пару глотков, лениво прожояя взглядом идущую мимо девушку, – сидит он.

– Как сидит, за что? – Санька не понимал, как Генка и вдруг сидит.

– Да, за какую-то ерунду сел, ему по малолетству и срок вроде не большой дали, так он дурак бежал.

– И, что?

– Что-что, поймали и срок добавили, а он опять в бега, ты же Генку помнишь, он, если что несправедливым считает, ни за что не смирится.

Так, теперь-то что?

– Теперь четвертак! – он опять сделал большой глоток и тут заметил, что Санька отстаёт, – да ты пей, пиво-то нормальное.

– Ну а как же так, с Генкой-то? – Саньке от услышанного стало не по себе, пиво пить расхотелось.

– Отсидит, может и выйдет, я-то вышел, – спокойно констатировал Мишка, с сожалением глядя на опустевшую пивную кружку с остатками белой пены.

– Ты, что, то же?! – этого Санька не ожидал. Эти несколько лет все же оказались значительным сроком.

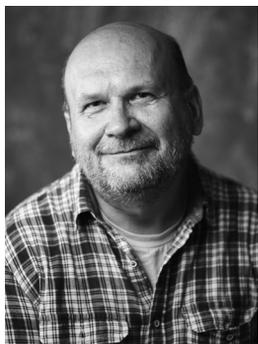
– Да у нас во дворе почитай каждый второй в тюрьме побывал, – Мишка пожал плечами, не понимая, что так того удивило.

– Ладно, – он глянул на приятеля, вероятно, не зная, о чем еще с ним говорить, – ты вообще, надолго?

– Нет, – Санька мотнул головой, – семичасовым обратно.

– Ну, тогда бывай, – Мишка, поднявшись протянул приятелю огрубевшую ладонь.

– Бывай, – Санька встал и пожал протянутую руку. До поезда нужно было еще успеть на городское кладбище к матери.

ЮРИЙ СИДОРОВ

Дело на миллион

Макс Свистков зябко поёжился, выныривая из метро «Марксистская» на Таганку. Что за погода дурацкая стоит? Начало июля, пятое число уже, а температура до двадцати никак не дотянет. Вчера и то теплее было, правда, ненамного. Хорошо, что с неба ничего не льёт. Вот сейчас бы сесть в самолёт и махнуть домой. И вечерком уже плескаться в море. А потом, когда наступят поздние летние сумерки, с важным столичным видом отправиться блуждать по набережной. Сейчас наверняка многие из одноклассников в городе. Можно было бы и нос кверху задрать: как-никак студент МГУ, со всего класса только один он туда и попал. Вот, правда, с учебой не ахти. Хорошо хоть в сессию хвосты пересдать удалось, без долгов на осень. Не то что в первом семестре, когда только к марту всё закрыл. Думал: каюк наступил, отчислят, а там и в армию загребут. Но ничего, выкарабкался. Понятное дело, подготовочка школьная не ахти, Ейск – не Москва. Благо поступить сумел в универ. Можно считать, чудом, но проскочил.

А пуще всего безденежье угнетает. Хоть и перепадает профкомовских талонов на обед, общажникам в первую очередь дают, но одним обедом не проживёшь, ещё и завтрак с ужином на белом

Сидоров Юрий родился в 1963 году. Имеет естественнонаучное (окончил физический факультет МГУ) и юридическое образование. Окончил курсы писательского мастерства Образовательного центра Музея «Гараж» у Леонида Костюкова. Автор вышедших в издательстве «У Никитских ворот» романов «Своя не своя жизнь», «Пробуждение», «Портрет», повести «Вторая попытка», рассказов.

свете бывают. Подрабатывать начнёшь – потом не то что на лекциях, а на семинарах засыпаешь. К тому же ничего постоянного нет, всё временное: то рекламу денёк пораздавать, то сувенирами нанялся приторговывать, так их вообще никто не покупал. Макс, когда пристальнее посмотрел на эти творения под палех и хохлому какого-то неизвестного умельца, так сам ужаснулся: кому такая муть нужна?

И у родителей не клеится с деньгами. Если летом ещё можно подзаработать на дикарях, ищущих комнатку в ста метрах от пляжа, то с осени по весну совсем тоскливо. Макс в зимние каникулы так домой и не выбрался: на самолёт цены неподъёмные, на плацкарт наскрести можно было, если поднапрячься, но тут фактор времени. Пока туда-сюда, считай, неделя каникулярная и пролетела.

Летом тоже, похоже, не получится. В приёмную комиссию удалось устроиться, абитуру внутрь запускать и выпускать. А чего, нормально, отработал и свободен. Зато общагу продлили на всё лето. Он сейчас как кум королю один в комнате живёт, все три койки в распоряжении. Вот только домой сильно тянет. По маме с батей соскучился страшно. Ещё бы, целый год почти не видел. На сестрёнку глянуть охота. Подросла, наверное, седьмой класс закончила. Ну и друзья-товарищи. Те, небось, сейчас на горячем песочке нежатся, а вечерком с гитарами на набережной сидят, талдычат о том о сём. И девочки с ними. Марта – наверняка, как пить дать. Чего ей стоит из Краснодара прискакать? Это ж не из Москвы переться.

Ничего, завтра жизнь должна поменяться. Когда-то же должно поехать! И контора вроде внушающая доверие, не то что тот идиотский банк, куда Макс по дурусти аккуратно в сентябре отнёс все деньги, что предки на проживание дали. Называлось мощно: взнос в уставный капитал коммерческого банка «Огни Европы». Грудь аж распирало от важности – он, Макс Свистков, в просторечии Свисток или Свистулькин – как кому больше нравится, не лох какой-нибудь, а акционер! Банкир! Вот только через пару недель вывеску на входе в подвал, где деньги обменивали на красивые цветные бумажки с наименованием акции, сняли, дверь намертво заперли, и организаторы сего действия исчезли в неизвестном направлении. А Макс тогда ещё поназанимал у ребят прилично: у кого пять тысяч, у кого даже и десять. Короче, до апреля пришлось впроголодь перебиваться, чтоб долги погасить. Исхудал прилично, хорошо хоть родители далеко, не видят.

Макс пересёк пару улиц и двинулся по Садовому кольцу. На противоположной стороне виднелось коричневое здание Театра на

Таганке. Свистков подумал, что за год столичной жизни он так и не побывал ни в одном театре. Правда, и любителем этого дела Макс не был, предпочитая кино, особенно боевики и приключения, да ещё фантастику. Но чтоб ни разу в театр не сходить, пока в Москве живёшь, это тоже перебор. Ладно, всему своё время. Сейчас главное убедиться, что «Рустрансвалюта» на месте стоит вместе с вывеской и не заколоченная. Чтоб как с «Огнями Европы» не лохануться.

Свистков свернул направо в Большой Дровяной переулок. Любопытное название – не просто Дровяной, а ещё и Большой. Значит, где-то тут имеется и Малый. Ладно, сейчас не до московской топонимики. Вон из-за угла нужная трёхэтажка выглядывает.

Тогда, в январе, дома за два до неё начиналась очередь. Свистков уже и не надеялся успеть до шести часов вечера свои кровные денежки сдать в эту самую «Рустрансвалюту». Очередь двигалась крайне медленно и всё время разбухала в ширину. Макс несколько раз порывался уйти, но не из-за черепашьей скорости. Двести тысяч, которые он собирался вложить под баснословные, вскружившие голову пятьсот процентов, были последними. Мать так и сказала, когда он в конце августа уезжал в универ: «Береги! Это на крайний случай. Мы с отцом бабушкины золотые украшения продали. Ты только учись, сынок». Свистков терпел до последнего. Даже на «Огни Европы» ни рубля не взял. И когда погорел этот, с позволения сказать, банк, то и тут кубышку не распечатал, чтоб ребятам долги отдавать. Но вот позавчера, когда в руки Свисткову попала злосчастная рекламная газетка с невероятными пятьюстами процентами всего за шесть месяцев, нервы у Макса не выдержали. Короче, что-то в голове щёлкнуло и переклucилось. И никак не возвращалось в прежнее положение. Всякий раз, когда Макс давал себе слово уйти из очереди, он видел растущий людской хвост за спиной и спешил вернуться на своё место, куда готов был рвануть стоявший сзади мужик средних лет в старой каракулевой шапке. Ни дать ни взять какой-нибудь сотрудник главка или самого министерства в былые времена.

К шести часам вечера Свистков тогда не успел. И когда нанятые «Рустрансвалютой» качки-охранники с шеями потолще, чем Максова талия, начали оттеснять озверевший народ от закрывающихся дверей, оказалось, что Свисткову неслабо повезло. Он был в числе тех счастливицков, которые успели продвинуться почти к входу, уже на лестнице стояли. «Каракулевая шапка», как окрестил Свистков мужика сзади, тоже прошёл, и за ним ещё человека четыре. Всех, кто стоял

внутри устроенного качками оцепления, пропустили в холл с трёхметровыми потолками и лепниной под потолком. Правда, краска на стенах изрядно потрескалась, потолок из белого превратился в тёмно-серый, да и на выдавшей виды парадной люстре тускло горели только две лампочки. Но какое это могло иметь значение? Главное, что он, Свисток из забытого Богом Ейска, всего через полгода станет обладателем сказочных одного миллиона двухсот тысяч рублей, которые снова можно будет вложить на следующие полгода под невероятные, манящие к себе до одури в башке пятьсот процентов полугодовых.

За спинами девушек-операторов, выражавших открытое неудовольствие продолжением обслуживания клиентов после официального завершения рабочего дня, забежал какой-то молодой человек в застёгнутом на одну верхнюю пуговицу тёмно-синем пиджаке, чёрных брюках и ярко-жёлтом галстуке:

– Девушки, девушки! Не кричите. Мы знаем, что переработка у вас. Заплатим в двойном размере, комар носа не подточит!

Операторы успокоились, расселись по своим местам и принялись обслуживать последних счастливиц, пожелавших превратить воздух в ассигнации. Мужик в каракулевой шапке каким-то образом опередил Свисткова, но теперь это было уже не важно: все, кто в холле, получают красивые розовые бумажки с тиснённым названием «СЕРТИФИКАТ». Пусть этот каракулевый пройдёт пораньше. Его, небось, дома жена с детьми ждут, надеются разбогатеть. Макс-то куда торопиться? В общагу, что ли? Так она за семестр уже порядком надоела: каждый день одни и те же неизменные рожи сокурсников. Слов нет – ребята нормальные, да и девчонки ничего, но хочется ведь иной жизни, красивой, обеспеченной. Тогда и наука, глядишь, в голову получше полезет, если в животе от голодухи урчать перестанет.

Усталая девушка-оператор небрежно бросила увешемуса перед ней на кособокий стул Свисткову:

– Сколько? Все двести сдавать будете? Паспорт и деньги.

Купюры Макс достал из внутреннего кармана с первой попытки, а вот паспорт за что-то по пути зацепился. Девушка успела пересчитать деньги, а Свистков всё пытался выудить наружу документ, призванный удостоверить личность гражданина Российской Федерации.

– Вы б, молодой человек, куртку расстегнули. Оно попроще будет, – зевнула девушка и прикрыла рот ладонью.

Наконец всё было окончено. Свистков, без денег в кармане, но зато с надеждами на будущую счастливую жизнь, выбрался наружу, где при свете тусклых, горевших в лучшем случае через один, фонарей команда качков завершала зачистку пространства перед подъездом от последних, наиболее упорных и стойких несостоявшихся вкладчиков.

Надо было поскорее возвращаться в общагу, чтобы успеть за ночь хоть что-то выучить перед завтрашним экзаменом. На следующий вечер, получив с большим трудом тройку, Макс, заняв у кого-то из запасливых девочек на бутылку дешёвого вина, отмечал с соседями по комнате первый сданный экзамен. А что? Тройка – нормальная оценка. Недаром их семинарист Александр Александрович Щукин, выводя её в зачётке, поучал: «Что такое “уд”? “Уд” – это удовлетворительно. А что значит удовлетворительно? Это означает, что государство удовлетворено, его устраивает данный уровень знаний». Ещё пару бутылок добыл Виталик Иванюк по кличке Колбасюк, благо он являлся большим любителем соответствующего мясопродукта. Макс быстро захмелел, очевидно, из-за хронического недоедания, нос его стал клониться к тарелке с консервированным зелёным горошком, шедшим в качестве закуси, а вокруг то и дело доносилось: «Мужики! Давайте споём! Свисток, чего молчишь? Затягивай, Свистулькин!»

Макс тряхнул головой, и воспоминания полугодичной давности уплыли в сторону. Около здания, где размещалась «Рустрансвалюта», особого оживления на наблюдалось. Правда, стояли несколько человек, которые переговаривались между собой. До слуха Макса донёсся общий смысл разговора: «Рустрансвалюта» – учреждение, похоже, серьёзное, никто не сбежал, работают в штатном режиме и завтра приглашают всех пайщиков за деньгами.

«Уже хорошо, – облегчённо вздохнул Свистков. – Контора стоит на месте. Неужели не кинут?» Завтра истекают эти бесконечно долго тянувшиеся шесть месяцев, и Макс выйдет отсюда аж с одним миллионом двумястами тысячами рублей. Настоящий миллионер! Правда, если в СКВ пересчитать, то сумма совсем не внушительно звучать будет, доллар сейчас где-то по тысяче девятьсот ходит, не ниже, но всё равно стартовый капиталец на мази. Свистков твёрдо решил повторно в «Рустансвалюту» не вкладывать – бережёного Бог бережёт, а отнести деньги в МММ. Там-то рост каждый день происходит, месяцами ждать не нужно. Макс для пробы небольшую сумму в мавродики уже превратил и сейчас потихоньку снимал навар для

погашения своих многочисленных долгов. И, главное, в МММ пока без обмана: талдычит по телеку Лёня Голубков, что можно жене сапоги купить, а потом и шубу, так оно и есть.

Войдя в дверь «Рустрасвалюты» (а у этой конторы был отдельный вход с торца здания), Свистков был остановлен грубым окликом охранника, пившего чай из термоса:

– Стой! Куда идёшь?

Макс сразу заметил, что по лестнице, ведущей на второй этаж, поднимаются и спускаются посетители. Их было очень немного, но сам факт заинтересовал и насторожил Свисткова. Деньги же завтра выдавать будут. А чего тогда эти деятели с довольными рожами спускаются? Вон тот, щекастый, барсетку двумя руками держит, да ещё ремешок вокруг запястья обмотал. Ни дать ни взять – наверняка деньгу в ней спрятал.

– Я... это самое... пайщик, – Макс достал из зажатой под мышкой папки сертификат и показал охраннику.

– А чего сегодня припёрся? – шумно отхлебывая чай, уточнил охранник. – Сказано ж: завтра деньги будут выдаваться.

– А эти кто такие? – спросил Макс, мотнув головой в направлении ещё двух посетителей, с довольными физиономиями спускавшихся по лестнице.

– Они сегодня получают, потому как сдавали раньше.

– Как раньше? Деньги же принимали только один день, – в голове у Макса стали интенсивно роиться нехорошие предчувствия.

– Ну, это для всех один день, а у некоторых брали ещё две недели до этого. Вот у них срок и подошёл. Ты давай завтра приходи, нечего тут торчать и мне обзор загораживать!

– А у меня в договоре написано, что я в любой день могу получить бесплатную консультацию и даже деньги досрочно забрать, правда, с меньшим процентом, – начал качать свои права Макс, кожей ощущая, что уходить сейчас точно нельзя.

– Ну, проходи тогда, – неожиданно подобрел охранник. – На второй этаж поднимайся.

Свистков быстренько прошмыгнул на лестницу и начал путь наверх. С каждой ступенькой его тревога усиливалась. На втором этаже было две двери. На одной висела табличка «Генеральный директор», а перед второй сидела хорошенькая шатенка со списком. Перед ней стояли мужчина и женщина лет тридцати. «Вроде муж и жена», – отметил про себя Свистков. Макс пристроился за ними. Вскоре пара

прошла в кабинет, а Свистков переместился к столу шатенки, которая просканировала его своим взглядом:

– Фамилия? Паспорт давайте и сертификат

– Свистков Максим... Максимович.

– Щтирлиц, что ли? – засмеялась шатенка.

– Какой Щтирлиц? – оторопело уставился на неё Свистков, пытаясь расстегнуть заклинившую молнию на папке с документами.

– Как какой? Тот самый. Щтирлица на самом деле Максим Максимычем звали, не знаешь, что ли? Эх ты, темнота! Нет тебя, парень, в списке.

– Как нет? – у Свисткова ушла душа в пятки. – Я же сдавал. Вот документ!

Ему наконец удалось расстегнуть молнию и извлечь на свет божий сертификат.

Шатенке хватило одного беглого взгляда на протянутую Свистковым ценную бумагу:

– Так у тебя завтра срок. Сегодня только те, кто раньше взнос делал, у нас пробная партия была для ограниченного круга.

– А не хочу я завтра! – резко ответил Свистков, которого всё сильнее и сильнее мучило предчувствие. – Сегодня давайте, и всё тут! В договоре сказано, что досрочно можно.

– Димон, подойди сюда! – крикнула шатенка в направлении кабинета, в который пару минут назад вошли мужчина и женщина.

Дверь открылась, и из неё вышел детина размером с хороший шкаф в майке на лямках типа как у баскетболиста. На шее виднелась массивная цепь, возможно, серебряная, нижняя часть которой скрывалась под майкой.

– Чего звала? – уставился обладатель цепи на шатенку.

– Вот клиент пришёл. Он из общей очереди, но хочет деньги сегодня забрать, – выложила информацию шатенка и повернулась к Свисткову. – Это Дмитрий Иванович, начальник отдела работы с клиентами.

– Завтра будем всем выдавать. Прямо с десяти утра. Что тут непонятного? – уставился на Макса Дмитрий Иванович своими рыбьими глазами.

– А я сегодня хочу! – гнул свою линию Макс, нутром чувствуя, что отступать нельзя.

– Парень, ты что, башкой своей не понимаешь, что сегодня четырёста процентов за досрочное погашение, а завтра все пятьсот. Ты сколько сдал?

- Двести тысяч, по максимуму, – ответил Свистков.
- Откуда у тебя двести тысяч? Ты кто вообще по жизни?
- Студент я. В МГУ учусь.

– Богатый нынче студент пошёл! – Димон подмигнул шатенке. – В МГУ, говоришь, учишься? Что-то не похоже! Миллион двести тысяч от миллиона отличить не можешь. Парень, ты точно дурак, хоть и студент. Зачем тебе брать деньги сегодня, когда ты завтра на двести тысяч больше получишь?

– Хочу сегодня. У меня право есть на досрочное погашение. В договоре написано, что можно за две недели до срока.

– Баран – он и в Африке баран! Потом будешь локти кусать, студент! Ладно, Вика, раз человек своей выгоды не понимает, запуская его в кабинет, как только мужик с бабой выйдут, – Димон напоследок покрутил пальцем у виска и пошёл вниз по лестнице.

Дальнейшее происходило как-то совсем буднично и подчёркнуто вежливо. Шатенка Вика снова перешла на «вы»:

- Максим, давайте паспорт и сертификат.

Вписав Свисткова от руки в список, она молча кивнула Максиму сначала на стулья для ожидания у окна, а затем на дверь в кабинет, когда оттуда вышли уже знакомые Свисткову мужчина с женщиной, на лицах которых блуждала счастливая улыбка.

Внутри сидела женщина средних лет с ярко окрашенными губами, которая, пошептавшись с вошедшей вместе со Свистковым Викой, молча указала Максиму на стул возле своего стола. Вика вышла, и дверь за ней стукнула, словно отрезая прошлое от будущего. Женщина средних лет молча сверила паспортные данные Свисткова, заполнила от руки акт, в котором чёрным по белому говорилось, что клиент получил один миллион рублей и претензий не имеет, указала Максиму, где поставить подпись, и достала из сейфа деньги в банковской упаковке.

– Пересчитывайте, – толкнула она пачку по направлению к Максиму по гладкой поверхности стола.

Пальцы у Свисткова задрожали, да так сильно, что ему не удалось с первой попытки разлепить новенькие ассигнации. Пришлось пересчитывать повторно.

– Молодой человек, побыстрее, пожалуйста, в коридоре ещё клиенты есть. Они ждут, – заторопила его любительница яркой помады.

- А вопрос можно? – несмело подал голос Свистков.
- Что ещё? Не досчитались?

– Да нет, всё правильно, один миллион. Я хотел спросить, почему название такое – «Рустрансвалюта»?

– Мы с мягкими валютами работаем, – подняла глаза от списка женщина и, видимо, заметив недоумевающий взгляд Свисткова, объяснила: – Конкретно, с валютами стран СНГ. Потому и доходность большая. Вы, кстати, не хотите вложить на следующие шесть месяцев на тех же условиях?

Предложение звучало очень заманчиво: миллион через полгода мог превратиться аж в шесть миллионов! Свистков очень явственно ощутил: ещё один неверный шаг – и хана всему полная. Он же решил, что теперь только МММ, где забрать можно хоть на следующий день. К тому же в глазах любительницы яркой помады сверкнул какой-то огонёк, будто у ведьмы.

– Нет, спасибо, у меня другие планы, – сделал последнее усилие над собой Макс и встал. – До свидания.

– Вольному воля, – донеслось ему в ответ. – Позовите следующего по очереди.

Свистков в тот же день накупил мавродиков на восемьсот тысяч, сотенку пустил на погашение долгов, ещё сотню оставил себе на прокорм и как подушку безопасности. Правда, часть этой подушки тем же вечером была растрочена на мини-фуршет в общаге. Ну да ладно, не жалко! Не каждый день такая удача бывает.

На следующий день, проснувшись с тяжёлой головой, Макс сначала хотел проваляться весь день в общаге, но потом не выдержал и отправился на Таганку. Толпу народа было видно аж с самого поворота в Большой Дровяной переулок. Крики, шум, гам, проклятия неслись со всех сторон.

– Что случилось? – спросил Свистков у заплаканной женщины в вылинявшем ситцевом платишке, прислонившейся к каменной стене за пару домов от «Рустрансвалюты».

– Сволочи! – рыдала она во весь голос. – Ну и дура я! Последние денежки отнесла. А они... они...

– Короче, паря, – подхватил стоявший рядом сумрачный мужик, – влипли мы все по самое не хочу. Контора эта сегодня должна была деньги выдать, мы пришли загодя, очередь заняли, а там замок и внутри никого. Вон только динамик включили. Слышишь?

Свистков прислушался. Сквозь людской гомон пробивался монотонный голос: «Граждане пайщики! Из-за сложной социально-экономической ситуации в стране "Рустансвалюта" вынуждена объявить о

невозможности исполнения обязательств перед пайщиками. Приносим вам свои извинения».

Макс развернулся и бочком выбрался из толпы. Он свернул с Большого Дровяного в какой-то перпендикулярный переулок, зашёл там через арку в первый попавшийся двор и неумело, но искренне перекрестился.

С МММ Свистков вёл себя крайне осмотрительно, старался продавать мавродики буквально через несколько дней после покупки, а когда над этой аферой начали сгущаться тучи, то продал практически всё, оказавшись в крупном выигрыше. Окончив универ, Свистков целиком занялся бизнесом и даже сумел устоять в печально известном августе девяносто восьмого. Правда, после того дефолта он принял окончательное решение перебраться за границу. Захотелось чего-то морского, тёплого, похожего климатом на Ейск и, главное, без потрясений.

Один из его бывших бизнес-партнеров упомянул в разговоре Болгарию, куда собирался перебраться сам. Идея эта Максону понравилась, он с женой и маленьким сыном отдыхал за год до дефолта в Несебре, наслаждался тёплым спокойным Чёрным морем, средневековыми улочками и возможностью почти с любым местным жителем свободно говорить по-русски. На том и порешили на семейном совете.

Теперь у Свисткова несколько ресторанчиков и два небольших отеля на первой линии. Порой, в минуты расслабляющего отдыха в гамаке, всматриваясь в морскую даль, Макс вспоминает трёхэтажный дом в Большом Дровяном переулке, Димона в баскетбольной майке на лямках с массивной цепью на шее, шатенку Вику, выдающую деньги женщину с ярко накрашенными губами и всякий раз благодарит судьбу. Хороша страна Болгария!

3

«Литературное Пушкино»

*Литературное творчество обучающихся МБОУ
«Майская СОШ» Городского округа
Пушкинский Московской области
(Кружок «Литературное Пушкино»,
руководитель: учитель русского языка
и литературы Должкова Т.Ф.)*

ШАГИНА НАДЕЖДА, 8 «Б»

Труд монаха

Опушка леса, дуб, берёзы
И тихий, мерный скрип пера.
Над прудом носятся стрекозы,
Невинна резвая игра.
То – старец в маленькой часовне
Сидит и пишет день за днём,
Труды его немногословны,
Но что ни слово – бьёт штыком!
Густые брови, капли пота,
Сто мыслей думает за раз.
И тихий шёпот, странный шёпот
В густой чернильнице завяз.
Монах ложится, спит, встаёт,
Но лихорадочно он пишет,
Лишь скрип пера он издаёт
Никто ни слова не услышит.
Его слова через года
Увидел я и понял тут же,
Что вся спасительность труда
Монаху в том лесу не чужда.

Лучи зари

Сегодня я увидел солнце
В проплешинах лесных теней –
Лазурным светом засмеётся
И пустит тысячу лучей.
Они завьются в русы кудри,
Вплетутся в сети пауков,
В пылинках золотистой пудры
Струятся нити ручейков.
Запели птицы в ярком свете,
Деревья тянутся к лучам,
Наверно, нету на планете
Прекрасней шали на плечах,
Чем утром маленькое солнце,
Вступившее в свои права,
От чуда сердце встрепенётся,
И заблестит от слёз трава.
Росистые ковры меж сосен,
И я стою в лучистом дне.
День этот, верно, судьбоносен –
Лучи зари зажглись во мне...

ИГОРЬ ЯХНО, 10 «Б»

Гром-ада

Недалёкое во всех смыслах будущее...

Москва. Величественная и старинная, с огромным множеством крошечных переулочков, в каждом из которых затеряна хотя бы одна маленькая история, вечная и красивая Москва ныне и не кажется таковой...

Недавно приходилось мне от нечего делать пройтись по Крымскому Валу. Никогда во время прогулки я не смотрю по сторонам. Только под ноги или в непроглядное и вечно серое небо. Потому что по сторонам смотреть в наши времена тошно. Тошно и больно смотреть на развалины былого величия. Но всё же иногда приходится хотя бы на секунду глянуть, что находится впереди и туда ли я вообще иду. Так я и сделал. Справа от меня стояло минималистичное здание Новой Третьяковки, точнее, то, что от неё осталось. Кое-где торчала арматура, на надписи не хватало половины букв, а на обращённой ко мне стене кто-то уродливыми буквами написал огромную красную подтёкшую фразу «ХАХАХА МАЗЬНЯ». Кроме той фразы, которую, очевидно, написал не самый образованный и грамотный человек, на стенах было ещё много слов грубых и неразборчивых. Но так в наше время получается, что всё самое уродливое и бесполезное контрастирует на фоне ещё более бесполезных и притом безликих явлений, идей – да всего. Дольше двух секунд я не мог на это смотреть, а потому отвёл свой взгляд опять под ноги...

Лужи. Маленькие безобразные лужи. Только сейчас заметил, что в них ничего не видно. Только песок и грязь на дне. Раньше, когда

никуда не хотелось смотреть, а только в пол, я надевал наушники, включал завораживающую ум музыку и шёл. Порой все эти музыкальные образы настолько отвлекали от реальности, и ноги шли быстро в такт, что в итоге и сам не понимал, как ты вот так быстро оказался там, куда, казалось, нужно было так долго идти... Но сейчас всё поменялось. Даже примитивной музыки 2020-х сейчас не пишут. Сейчас вообще ничего не пишут. И слушать нечего...

Я ненадолго остановился на мосту. Некогда величественная Москва-река напоминала сегодня захламлённую речушку из моего родного посёлка. Противно-зелёная, заросшая, где-то из-под воды торчали то ли горлышки бутылок, то ли просто палки, то ли ещё какой-то мусор. Рядом с теми же «бутылками» плавала и другая муть. Кто-то вон куртку выкинул, так та и не затонула, а осталась на поверхности, будто бы на простой траве лежит. А вон огромная картина плывёт. На ней уже ничего не разобрать. А может быть, это из стоящей рядом Третьяковки...

А впереди виднелся памятник Петру I. На самом деле сегодня уже никто не помнил, что это был памятник именно Петру, так как самого императора там давно уже не было. Его разобрали лет десять назад на металл какие-то вандалы. Хотя, можно ли их назвать вандалами, когда нет у нас в стране больше невандалов? Теперь там стоял только кусок корабля без мачт. Мачты, наверное, тоже сняли и разобрали. Всё-таки столица избавилась от нелюбимого памятника...

Странно. Только начало осени, а уже так холодно. И все парки уже стоят нагие. Нет ни листвы на деревьях, ни травы уже нет. Вроде бы темно, а фонари не горят. И не будут они гореть – все лампочки разбили. На лавочках не сидят больше влюблённые. Как же можно посидеть на лавочках без досок в самом деле? Все дома – и старые, и новые, – стоят полуразваленные и будто бы подгнившие...

Так я и сам не заметил, как дошёл до Кремля. Величайший памятник архитектуры, как говорят в Англии, видал лучшие времена. Конечно, такие крепкие стены выдержат любые трудности. Пожалуй, Кремль так и остался самым красивым местом столицы. Неважно, что часы на Спасской башне не идут и показывают только 18:45. Неважно, что Александровский сад летом зарастает до непроходимости. Неважно, что высвободившаяся из-под оков труб река Неглинная иногда затапливает тот же самый сад. Огонь у Могилы Неизвестного Солдата больше не горит. Бронзовый знак Нулевого

километра безвозвратно утрачен. Всё вокруг погружено в неподвижный хаос. А где-то вдалеке, на севере, виден столп серого дыма. Даже здесь сквозь морозящий запах пасмурного дня чувствуются нотки этого родного аромата. Это уже второй день горит Библиотека имени Ленина...

Хорошая выдалась поездка в Москву. Теперь на метро и домой. Я спустился на станцию «Библиотека имени Ленина» Сокольнической ветки. Хотя сейчас никто её так не называет. Из-за того, что и тут в названии букв не хватает, все называют её «Библ именина». Поезда в метро больше не ходят. Только люди теперь ходят прямо по обесточенным путям. И я пошёл. Кое-где остались стоять навсегда номерные ржавые поезда с кучей фар. Иногда они очень мешали идти, но никому не было дела до того, чтобы убрать их. А зачем хлам трогать?..

Пока шёл, я всё ещё думал. А ведь, казалось, совсем недавно люди жили по-человечески. Даже сейчас помню, ходил с друзьями и целый Кремль смотреть. И в ту же самую ныне разваленную Третьяковку мы ходили, пытались разглядеть в шедеврах Малевича и Шагала, Филонова и Клюна, Дейнеки и других художников какие-то образы. Дай Бог эти картины сейчас кто-нибудь утянул и оставил себе. А то ведь могли и порвать и выкинуть от нечего делать. А Ленинка? И там мы были. И там мы впервые попробовали почитать то, что сомневались купить. Как сейчас помню, я взял «О дивный новый мир» Хаксли, прочитал несколько страничек и сразу понял – приеду домой и обязательно куплю! Теперь эта книга покоится с десятками других, укрытая слоями сырого пепла. Сколько же стараний, сколько же бесценного опыта прошлых поколений безвозвратно ушло в небытие. А почему?..

Потому что это больше никому не надо...

Потому что никто больше не читает книг. Эти люди, с трудом доставая из закров своего разума слова, говорят: «Ну, как бы... А зачем?.. Вот, я думаю, что мне это... не надо мне это, короче говоря... Проживу без книжек...»

Потому что никто больше не ходит в галереи или музеи. Эти люди, тщетно пытаясь связать два слова, говорят: «А-а-а... а зачем мне смотреть всякие там "натюрморды" или как их там... и портреты... мне это не надо... это неинтересно и скучно... что было, то прошло, как бы... проживу без картин и музеев...»

Потому что никто никуда больше не ездит. Эти люди, напрягая последние извилины, говорят: «Ну-у-у, мне и дома хорошо... А что?.. Не буду никуда ездить... Время тратить... Проживу без поездок...»

И некому больше писать хорошую музыку и хорошие книги. Все шедевры прошлых лет безвозвратно утрачены. Нет больше того, на чём могли бы учиться молодые таланты...

И некому больше думать о наследии. И завтра то же, что вчера. Не будет от будущих поколений, если что-то испортят сейчас...

Ныне. Всем. Всё равно.

Через 3 часа я уже был дома. Дома есть ещё книги, которые можно прочитать впервые. И есть много тех, какие грех будет не перечитать. И в окно смотреть не тошно. Тёмный еловый лес всегда по-своему красив. Особенно он красив зимой. Бесцветный снег на ветвях придает ему, как это ни странно, красочности.

Есть мне, что сказать, донести до людей будущего. Есть, где записать. Есть надежды, что они поймут меня. И помогут исправить это историческое недоразумение, когда над нашей страной сгустились облака незнания, и над столицей уже столько лет не переставая слышится гром невежества, истинный Гром Ада. Гром Ада... Если бы только эта Громада – Россия – спаслась. Хоть бы спаслась... Хоть бы рассеялось всё невежество. Хоть бы будущие поколения всё восстали! И прекратился бы Гром-Ада над распространившейся так далеко до гор, до морей, до льдов и лесов, над построившей столько городов, над написавшей столько судеб ГРОМАДОЙ!..

МЕЛЬНИК АРИНА, 5 «А»

Волшебная сказка

Где-то в другом измерении затерялся таинственный мир. Там с утра до вечера творится волшебство, ведь населяют его волшебники и волшебницы. Здесь всегда было тихо и спокойно, все жители были добрыми, не враждовали и всегда трудились, чтобы их мир процветал.

Но потом в этот тихий уютный мирок просочилась тьма...

Светлые маги пытались сражаться, но их усилия были бесполезны: тёмные были сильнее. Жители этого мира искали место, где они смогут спрятаться. Однако среди светлых магов были отважные брат и сестра – Джек и Ива. Вместо того, чтобы убежать от опасности, они решили смотреть ей в лицо. Они караулили в лесу, в горах, ущельях небольшие группы тёмных магов и сражались с ними, но один раз решили за ними проследить. Пробираясь через горы за тёмными магами, Ива и Джек подошли к огромному засохшему дубу. Вдруг они услышали позади странный звук и обернулись, но оказалось, что это всего лишь ворон. Когда они снова взглянули на дуб, злодеев уже не было. Ребята подошли к дереву и начали его осматривать. Вдруг они увидели, что один кусочек коры немного отделяется. Они потянули его, и в стволе дуба открылся проход. Ива и Джек зашли внутрь и увидели лестницу. Ребята начали спускаться по ней и оказались в роскошном зале. Они прошли по нему и попали в мрачный коридор. Как только брат и сестра прошли по коридору, они снова оказались в зале, но уже в другом. Вдруг они оказались посреди неба и начали падать. Если бы у них

не было магии, они бы разбились. Но они расправили крылья и полетели вверх.

Там их ждала колдунья тьмы. Она была самая главная, от неё получали энергию все тёмные маги. Ива и Джек начали сражаться. Колдунья была очень сильная, ребятам было сложно. И они придумали тактику: пока что не нападать, а уклоняться от атаки колдуньи, чтобы она ослабла, а потом напасть. Она целилась метко, и уклоняться было сложно, но у ребят это получалось. Наконец колдунья ослабла, по крайней мере, они так думали. Джек и Ива напали. Колдунья сопротивлялась, но начала сдаваться. Ребятам оставалось сделать последний удар. Они налетели на злодейку с двух сторон. Ива занесла меч над колдуньей, как вдруг та с помощью злых чар схватила Джека. Он пытался вырваться, но у него ничего не получалось. Ива не знала, что делать, и поняла, что если погубить колдунью, то все маги тоже исчезнут, и её брат будет спасён! Пока колдунья отвлеклась на Джека, Ива схватила меч и занесла его над ней. Колдунья повернулась, взмахнула рукой, и Ива оказалась в другом мире. В нашем мире...

Она стояла и держала воздух. Только что в её руке был меч. Ива не понимала, что с ней происходит. Но знала, что ей надо спасти брата, что надо победить тьму, а для этого нужно победить колдунью...

Но она не чувствовала в себе магии!..

Из её сумки вылез котёнок по кличке Огонёк. Иве подарили его на день рождения. Он был рыженький с красивыми тёмно-синими глазами, а ещё он умел говорить. Котёнок рассказал ей, что произошло, но она не верила. Вдруг Ива услышала рык: это тёмные животные попали в наш мир. «А вообще, сначала надо расправиться с животными», – сказала она Огоньку, снова вытащив меч. Победив зверей, она достала котёнка из сумки и сказала: «Пойдём, там впереди что-то виднеется, наверное, это город...»

Прошла неделя, две, три, вот и месяц пролетел, а Ива всё ещё в нашем мире. Зато она разработала план, как вернуться в свой мир:

– Итак, Огонёк, чтобы вернуться домой и спасти Джека, нам нужен магический кристалл, в котором очень много энергии. А ещё нам...

– А не пора ли тебе в школу, ты же всё-таки смогла записаться?

– О, да, точно, пойдём.

Ива пришла в школу и начала ходить по коридорам, пытаясь найти свой кабинет. «Та-ак, 29 кабинет... Наверное, он на третьем этаже, а я на втором», – пробормотала Ива.

Наконец она нашла нужный кабинет, и тут же прозвенел звонок. Вошла учительница и сказала: «Ребята, у нас новая ученица, представься, пожалуйста».

– Меня зовут Ива, – сказала девочка.

– Хорошо, садись, – ответила учительница...

На переменах Иву обижали из-за её причудливого наряда, и причёски, из-за потрёпанного рюкзака. Всё бы так и продолжалось, но через неделю пришла девочка, которая до этого болела. Её звали Ксюша. Она стала защищать Иву и подружилась с ней.

Ещё через неделю Ива решила довериться Ксюше и рассказать ей всё про себя. После уроков Ива отвела её на полянку в лесу и рассказала свою историю. Ксюша, услышав это, очень удивилась.

– Ты мне не веришь? – спросила Ива.

– Нет, что ты, конечно, я тебе верю! – ответила Ксюша. – Только не до конца понимаю, как ты сможешь вернуться домой?

– Мне нужен магический кристалл, тогда с помощью его энергии мы с Огоньком сможем вернуться домой, – ответила Ива.

– О! Мои родители как раз ювелиры, побежали к ним в лавку. У них сегодня выходной, а мне они разрешают брать некоторые интересные вещицы! – воскликнула Ксюша.

Прибрав в ювелирную лавку, девочки стали рассматривать разные драгоценности.

– Нет, это всё просто украшения, а твои родители, случайно, не делают кристаллы или что-то похожее на них? – спросила Ива.

– Хмм... На прошлой неделе мама с папой работали над тремя кристаллами, пойдём посмотрим, – ответила Ксюша.

Ксюша привела Иву в небольшую, но уютную комнатку. На резном столе лежали три небольших кристалла. Один кристалл был изумрудным, второй синим, а третий фиолетовым.

– Да! Это то, что нужно! – воскликнула Ива. – Осталось определить, какой из них волшебный...

– А как мы это определим? – решила уточнить Ксюша.

– А вот так, – сказала Ива и достала какой-то мешочек.

Она посыпала на каждый кристалл порошок из мешочка, и вдруг фиолетовый кристалл заискрился и взмыл в воздух.

– Что происходит?! – закричала Ксюша.

– Сейчас откроется портал! – ответила Ива.

Открылся портал, и Ива сказала: «Идём со мной». «А можно?» – спросила Ксюша.

Но Ива уже схватила её за руку и утянула в портал. Оказавшись у себя дома, Ива очень обрадовалась. И они сразу побежали к дубу. Пробежав все коридоры, Ива дала подруге планер, с помощью которого можно летать. Шагнув в зал, они обе оказались посреди неба. Ива снова ощутила свою магию и взлетела, а Ксюша сразу разобралась, как пользоваться планером. Они полетели вверх и увидели среди облаков замок. Влетев туда, они увидели Джека, скованного магическими чарами. «Сейчас мы тебя освободим!» – сказала Ива. Она размахнулась мечом, наполнив его магией, и ударила по шару, в котором был Джек. Шар почти разбился, но снова нанести такой сильный удар Ива не могла. Вдруг Ксюша засияла, у неё появились крылья и новая одежда. Она создала сгусток магической энергии и направила его на шар.

Шар раскололся, Джек был на свободе. Очнувшись, Джек обнял сестру, и ребята побежали в хоромы королевы тьмы. Королева спала. Ива достала из сумки колбочку.

– Что вы собираетесь с ней сделать? – поинтересовалась Ксюша.

– Заберём её тёмную энергию, – ответил Джек.

Держа колбу над королевой, они прошептали заклинание. В колбу полетел чёрный порошок, а сама колдунья стала светлой. «А теперь уходим», – прошептал Джек.

Ребята убежали домой, тьма была побеждена. Ксюша стала феей и часто приходила в гости к Иве и Джеку, они стали лучшими друзьями.

4

КНИЖНАЯ
ПОЛКА

рецензии

ВЕРОЯТНОСТЬ СЧАСТЬЯ. СБОРНИК ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ. –
М.: Издательство «У НИКИТСКИХ ВОРОТ», 2022. – 368 с.

В десяточку

Василий Мурзин поэт самобытный. Он органично сплавляет иронию и лирическую глубину переживаний. Удаётся это ему не только за счёт легчайшего поэтического умения сцеплять слова, но и в силу природного вкуса и такта. Он затрагивает аспекты весьма рискованные, но нигде не переходит грань. Первый стих в подборке длинный, эпический. Мне он чем-то напомнил знаменитое стихотворение Г. Григорьева «Дядя Миша перестраивал сарай». И сделано также мастерски. Но есть и отличия. Тут авторская позиция чётче, яснее, лирический герой не прячется за иронией, а использует её как средство для достижения нужного художественного эффекта.

~~~~~

Мурзин Василий Сергеевич. Поэт. Родился 3 октября 1982 года в Москве. Постоянный автор «Литературной газеты». Победитель конкурсов Московской городской организации Союза писателей России (МГО СПР) «Поэт XXI века» (премия им. Б.Л. Пастернака – 2022 за книгу «Остров»), альманаха «Литературная Республика 2022», «Стул № 13» (премия им. И. Ильфа и Е. Петрова в номинации «Поэзия»). Удостоен награды МГО СПР – ордена «За вклад в литературу XXI века». Автор книг «Обнуление», «Остров», коллективных сборников постоянных авторов «Литературной газеты» «15», «Приглашение в мастерскую», «Тайна вдохновения», «Вероятность счастья», многих коллективных сборников МГО СПР, в том числе энциклопедии «Московская городская организация Союза писателей России... XXI век... Начало...» Публиковался в газетах «Литературная Россия», «Независимая газета», «Литературные известия», в журналах «Москва», «Вторник», «Москва литературная», «Свет столицы». Номинант премии VII Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков (2019).

*Его реабилитация
Прошла успешно,
С пивом и в чешуе,
Из которой спешно
Вышла Венера,
Но быт панельный
Дал трещину
С воскресенья
На понедельник.*

Мурзин умело использует паузы и ритмические перебивы: из них создаётся полотно разнообразное и красочное. Каждый образ поэт вытягивает за ниточку, доводит до конца и утверждает как конечный и не терпящий возражений.

*Октябратские значки – 1 шт.
Портрет Хемингуэя – 1 шт.
Куртка с нашивкой «БАМ» – 1 шт.
И вновь продолжается бой,
Как тебе доложили!*

При этом он умело рассказывает историю, излагая её по всем канонам сюжетного построения.

Василий Мурзин поэт на удивление литературоцентричный. Причём цитаты автор использует не для демонстрации владения центоном, а для актуального переосмысления. Получается лихо и убедительно.

Судьба страны, история советского времени и в целом слома эпох пропускается через тексты довольно прихотливо. Это не альтернативная история, нет, но детали окрашиваются иным светом, мнения и оценки подчас далеки от общепринятых. Добавим сюда неподражаемую авторскую иронию – вечную спутницу поэта Мурзина – и получится весьма необычный поэтический сплав.

*И всё это
движется,
как судьба.
Но всё больше клином.*

*На Зимний,
А может, в Большой.
Борьба
Продолжается.
Иней*

*ложится на провода.
теплоход ушёл,
всё было клёво.
Кто не успел,
тот опоздал.
Следующий только
через сутки.
В ожидании
лова*

*сидит
Судьба,
пуская
под откос
поезда.*

Последний образ заслуживает особого разговора. Он точен, удивительно метафоричен, оригинален и заставляет предельно сосредоточиться и замереть перед рокотом бытия.

Великий театральный режиссёр Петр Фоменко любил говорить своим артистам перед спектаклем: «Попробуйте получить удовольствие». Это очень важная часть творческого процесса, о которой иногда забывают, наивно полагая, что творчество – это только мучительное усердие, великие замыслы, нобелевский замах. Василий Мурзин явно получает удовольствие от творчества. Он раскован, ничего не стесняется и не боится, и это позволяет часто попадать, что называется, в десяточку.

*Можно ли уехать
в Лимпопо
на ЗИЛе?
Можно,*

*если никто
не стоит на
пути
и оттуда
не позвонили.*

В заключающем подборку стихотворении таких попаданий уйма. Василий Мурзин доводит многие свои инвективы до трагифарса, чтобы потом подвести к тому, что любой фарс есть проявление жизни, а не смерти. Стихи Мурзина в чём-то чудаковатые в хорошем смысле этого слова, иногда его дерзость кажется чуть игрушечной, но в этом и плюс – детское ощущение взрослого бунта очень важно в искусстве. Ну а в основе слова «чудаковатость» – «чудо», и это, как мне кажется, суть мироощущения автора – умение удивиться естественному ходу жизни, восхититься красотой и поверить в чудо, пусть даже явленное через испытание и страдание.

*Максим Замшев,
главный редактор «Литературной газеты»*

СТУЖЕВ О.И. ПРАВИЛА МЕРДЖА: РОМАН. – М.:
ИЗДАТЕЛЬСТВО «У НИКИТСКИХ ВОРОТ», 2022. – 416 с.

Достоверно и своевременно

В романе О. Стужева «Правила Мерджа» есть одно культурологическое обстоятельство, которое сразу заставляет читать его, что называется, запоем. Автор получает огромный кайф от самого процесса литературного письма и заражает этим читателей. Каждую деталь он прописывает пристально, не боится в ней утонуть, понимает, что читателю будет интересно, что его знание о предметах, об их тайной сути и метафорическом значении бесценно. Меня лично, служившего и в советской армии, и бывавшего

не раз в Администрации президента, порадовало, как точно описывает автор и армейскую жизнь, и обстановку в «святая святых» российской власти. С работниками банков, дипломатами и бизнесменами меня не так часто сталкивала судьба, но в характерах, созданных О. Стужевым, я узнал черты некоторых своих не сильно близких знакомцев и порадовался такому стопроцентному художественному попаданию.

У этого романа длинное дыхание. В нём нет ни капли начётничества, попыток нагнать объём за счёт чего-то не сильно нужного для общей структуры. Напротив, автор двигается быстро, подобно спортивному автомобилю, сюжетные ходы, хронологическая асимметрия порой головокружительны и создают нужный градус напряжения.

Роман полифоничен. При этом в данной идее нет искусственности, она исходит из текста, из персонажей, из движений романного времени. Всё подчинено одной задаче – созданию бестселлера. Автор знает, из каких деталей соорудить это целое, чтобы потом читатель не разочаровывался, не скучал, а думал о своих героях.

Я уже говорил о подробностях. И говорил не случайно. Они не только упоительны для автора, они прекрасно характеризуют время

романа, героев, их нравы. То есть они не случайны, всякое их появление логично, продуманно. Они комментируют характеры, расширяют представление о них. В литературе человек лучше всего характеризуется через косвенные признаки, это добавляет убедительности. О. Стужев этим приёмом владеет уверенно, использует его ровно в той пропорции, что прописана хорошим вкусом и литературной интуицией. Вот как он описывает одного из героев, Жомова: «Полноватый типичной неспортивной дряблостью партийного функционера эпохи застоя, в толстых очках, делавших его взгляд похожим на взгляд декоративной рыбки телескопа, рассматривающей вас из зеленоватой мути аквариума, Вадим Вениаминович был приветлив и многословен, расспрашивал о работе и семье, явно стараясь произвести впечатление своего парня. Так и не назвав определенно цели их встречи, он продолжал пытаться поддержать беседу, пока его “Моторола”, которую он не выпускал из рук, не начала бесшумно вибрировать». Вроде бы нейтральное описание, но автор мастерски настраивает свою оптику так, что понимаешь: тем, кто встретит Жомова, стоит насторожиться. Нюансы определяют палитру отношения читателя к происходящему. Такое дано далеко не каждому писателю. Помимо тонкой и продуманной и, главное, достоверной нюансировки, О. Стужев поражает своей работой над развитием характеров. Здесь он применяет своеобразный эффект двойного зеркала. Герой развивается как для читателя (поскольку прыжков из прошлого в настоящее довольно много, и психологическая мозаика каждого портрета собирается постепенно), так и по ходу развития сюжета, сталкиваясь с обстоятельствами весьма драматическими.

Персонажей в романе много. В этой ситуации всегда есть опасность, что будет путаница, но О. Стужев каждого выделяет особо, придаёт ему особые черты, делает акцент на биографию. Постоянные реминисценции нужны ему не только для объёмного показа героев, но и для их индивидуализации, текст устроен так, что читателю совершенно не утомительно держать в памяти повороты жизни героев.

Что с жанром? Это криминальный триллер, чётко существующий в своей нише, или большой русский роман? А кто сказал, что на этом этапе развития русской словесности нельзя совмещать и то и другое? И ещё многое. Конечно, триллер перед нами классный. При этом написанный не из писательского кабинета, не из пресловутой

башни из слоновой кости, а будто из самой жизни беспокойной России слома веков со всеми её особенностями. Их автор, кстати, воспроизводит очень зримо, видно, что он знает или хорошо изучил то, о чём пишет, видно, что его персонажи – живые, реальные, а не картонные. О них не перестаёшь думать и после прочтения. При этом автор демонстрирует не только погружение в российскую современность, но и исторические познания. Так он точно обрисовывает ситуацию гражданской войны в Испании и её последствия, прежде всего для людей. Вообще, это важная особенность творческого стиля О. Стужева, связывать судьбу героев, их характеры с происхождением, семьёй, жизнью стран, где они родились. Он анализирует, ищет закономерности, и это всегда интересно. «Задавая этот вопрос, Кольцов бил наверняка. Дед Васкеса воевал на стороне Франко и мог рассчитывать на почётное место в аюнтаменто какого-нибудь городка Испании, но он был молодым романтиком и пошёл добровольцем в дивизию Azul, которая, бесславно простояв до сорок третьего на блокаде Ленинграда, была почти полностью взята в плен. Он вернулся в Испанию только в семьдесят пятом году изможденным стариком после сибирских лагерей. Сегодня, после разговора с дочерью на берегу Женевского озера, Кольцов вспомнил, как, изучая подноготную только что завербованного Васкеса, наткнулся на подробности допроса его деда. Аурелио Васкес тогда только поступил на службу в одно из ключевых министерств Испанского Королевства и, несмотря на небольшую должность, мог иметь доступ к планам правительства по уничтожению ЕТА, члены которой причисляли себя к последователям марксизма-ленинизма, а значит, несмотря на свою террористическую сущность, могли рассчитывать на тайную поддержку страны Советов».

Иногда кажется, что автор сам действует, как заправский детектив, учитывая при расследовании – тире – построении композиции, всякую мелочь, убеждая всех, что нет ничего неважного и незначительного в большом тексте. Но не только острым сюжетом привлекают «Правила Мерджа». Это сага о России, о её судьбе, о её людях. В каждой строке автор вглядывается в современников, не порицая их, а ища причины их ошибок и заблуждений в самом течении времени, в тех сложностях, что Россия приняла на себя после распада СССР, и в том воздухе надежды, который неистребим, пока в человеке есть любовь к детям, женщине, стране. Эта тема проходит

сильными звучными контрапунктами. Это и любовь Кольцова к дочери, и любовь Наташи и Чекаря. Ей оппонирует нелюбовь между Наташей и её мужем, между другими. Холодный расчёт борется с чистотой чувств. Здесь местами роман доходит до библейского почти катарсиса. Симпатии автора и читателя совпадают.

Полагаю, этот роман появился своевременно. Он своеобразен, он объёмен, его сюжет и захватывает, и открывает глаза на многие процессы. Такой разговор нужен. Такой анализ насущен. Эти думы о России самой России прописаны сейчас как спасительный нектар. Приведённые мной цитаты доказывают, что у автора крепко стоит рука и он пишет то, что хочет, уверенно ведя волей и разумом своих героев от первой до последней страницы. Богатая лексика, ритмическое чутьё выводят роман в разряд серьёзных русских текстов. Уверен, читатель получит от книги удовольствие и будет ждать от автора новых произведений, возможно, уже и с хорошо знакомыми героями. Но, впрочем, не будем заглядывать чересчур далеко вперёд.

*Максим Замшев,
главный редактор «Литературной газеты»*

Суслевич Б. З. РАЗБЕГ. СТИХОТВОРЕНИЯ / БОРИС СУСЛОВИЧ. –
М.: Издательство «У НИКИТСКИХ ВОРОТ», 2022. – 100 с.

Взгляд с высоты

Радости и горести полёта в стихах Бориса Суслевича

«Разбег» – книга выстраданная, вымечтанная, между нею и предыдущей книгой поэта временной отрезок в семь лет. И всё же автор включил в новый сборник всего шестьдесят семь стихотворений – по количеству прожитых лет. Такая высокая требовательность дорогого стоит.

Стихи Бориса Суслевича в полной мере обладают обязательным для поэзии свойством – связывать обыденное и сакральное, прозревать в явлениях нашего материального земного существования – инобытие, за физикой видеть метафизику.

Для этого поэту достаточно бывает просто поднять глаза вверх – к звёздам, которые оказываются удивительным образом похожи на людей:

*Вокруг такая тишь –
Слышны на небе звёзды.
Средь полуночной тьмы
Их, как сельдей, набито
От носа до кормы,
От юта до бушприта.*

(«Прогулка»)

Среди пассажиров автобуса он видит не просто людей, едущих на работу или по иным делам, но возможных свидетелей прихода Мессии. Они не готовы к этой встрече, более того, она им, полностью погруженным в обыденную житейскую суету, не нужна («Им

не нужен реальный кумир. / Нужно лишь ожидание встречи»), но взгляд поэта видит картину сверху не только в пространственной, но и во временной перспективе: все мы вписаны в исторический контекст и встреча неизбежна. Так мыслит человек, живущий на Святой земле, недалеко от вечных стен Старого города, Золотые ворота которого остаются замурованными с 1541 года, чтобы через них в Иерусалим не мог во второй раз прийти Мессия. Но это всё – телесные, внешние приметы, а душа поэта, конечно же, обитает в некоем другом, идеальном мире – вне времени и пространства. Так же, как герой Венички Ерофеева стремился в Петушки – место, «где не умолкают птицы ни днём, ни ночью, где ни зимой, ни летом не отцветает жасмин», так и лирический герой Бориса Суслевича тоскует о своей «Инонии»:

*...Лишь в мартобре повсюду валит снег
В стране, не обозначенной на карте.
(«Неделя начинается дождём...»)*

Сигналы из другого – тонкого – мира настигают поэта везде, эти ощущения очень трудно выразить обычным земным языком, но Борис Суслевич пытается, и ему удаётся:

* * *

*Мы по-детски доверчиво спали.
Неожиданно рядом возник,
Никому не мешая вначале,
То ли свет, то ли звук, то ли миг.*

*Все мгновения сцеплены были,
Но одно из них выпало вдруг
И растаяло облачком пыли:
То ли миг, то ли свет, то ли звук.*

*Было что-то спросонья задето,
Чему даже названия нет.
На полях сновиденья помета:
То ли звук, то ли миг, то ли свет.*

Если вдуматься, приведённые выше стихи описывают состояние, которое принято называть визионерским опытом.

Три главных темы разрабатывает автор: Время, Память, Преображение.

Время – самая загадочная и непостижимая категория реальности. Человеческий ум не в силах его понять, но поэт может ощутить его, буквально поймать, застигнуть врасплох:

*Только вытяни руку вперёд –
И почувствуй, как время идёт,
Как мгновения строятся в ряд,
Суетятся, толкуются, галдят.*
(«1986. Аня»)

А главное, он может передать это ощущение читателю:

* * *

*Шорохов нет и в помине,
Только мотор дребезжит...
Ночь. Посредине пустыни
Медленно движется джип.*

*Притормози наудачу,
Выйди на вольный простор.
Кажется, прошлое прячут
Камни разрушенных гор.*

*Кажется, жизни начало –
Брызги на Млечном Пути.
Только что время стояло
Здесь, но успело уйти.*

Прекрасен образ пустыни как вольного простора, где камни не просто камни, а частички разрушенных гор (читай – останки, следы великого прошлого). Здесь смыкаются время и память, и человек может ощутить одно через другое.

Недаром именно в пустыню уходили пророки, пытаясь постичь Божественную волю. До сих пор в русском языке глухое место, где

живёт отшельник или находится небольшой малонаселённый монастырь, называют пустыню.

Но пустыня ведь понятие не только географическое. Буквально «пустыня» означает пустое место, т.е. место, где отсутствует – что? Наверное, что-то важное, необходимое для жизни. Например, любовь, взаимопонимание, эмпатия. Наш мир часто оборачивается для тонко чувствующего человека пустыней человеческих сердец... Но и в таком мире поэт должен не просто жить, но – творить, создавать мелодии пустынных песен, таково его предназначение:

*Шатаюсь, брести на восток
По самой безлюдной планете,
В ноздрях – раскалённый песок,
В ушах – обжигающий ветер,
В глазах – пеленой – миражи,
И путь к ним, по счастью, нетруден...
(«Вспоминая Экзюпери»)*

Время тесно связано с историей – в человеческом обществе время измеряется историческими событиями. Настоящий поэт так же легко перемещается во времени, как и в пространстве:

*Мы рассуждаем в центре Тель-Авива
О пушкинской «Истории Петра»,
Как будто временная перспектива –
Прилипчивая детская игра,*

*Раскачанные памятью качели,
Которые по времени скользят.
И нас толкают башни Азриэли,
Переноса на триста лет назад.*

*...Морским узлом завяжется минута.
На бордаж пойдёт российский флот.
И нас толкают паруса Гангута,
Переноса на триста лет вперёд.*

(«Качели»)

А история – это уже память. И не только личная (в книге, конечно же, есть стихи, посвящённые близким и друзьям), но и историческая. В этом отношении Борису Сусловичу повезло, он – наследник двух богатых национальных культур, каждую из которых имеет полное право считать своей, родной. Духовное родство бывает ближе кровного, и, читая «Разбег», можно понять, кто духовно близок поэту, чьи трагические судьбы не отпускают его, чей пепел стучит в его сердце. Это Соломон Михоэлс и Перец Маркиш, Антуан де Сент-Экзюпери и Осип Мандельштам, Иннокентий Анненский и Борис Слуцкий, Георгий Эфрон и Януш Корчак, Ярослав Смеляков и Михаил Булгаков.

И, конечно же, Пушкин. Пушкинская тема разработана с очень интересного ракурса: о последнем эпизоде жизни великого поэта читателям рассказывает не только сам Пушкин, но и почти все причастные к нему действующие лица – Николай, Бенкендорф, Наталья Николаевна, Дантес. И хотя говорят они по очереди, голоса гармонично сливаются, и мы слышим их как хор древнегреческой трагедии. В этой истории нет победителей, здесь все – жертвы. Каждый персонаж переживает свою драму, даже главный злодей, убийца поэта, предстаёт фигурой страдающей: он, сделавший, по его мнению, всё правильно, тем не менее до конца жизни несёт на себе клеймо преступника, наказание настигает его в семье, в собственном ребёнке. Конечно, это только справедливо, но, как ни странно, и таких, как Дантес, становится жалко, «ибо не ведают они, что творят...» В таком взгляде на трагическую кончину любимого поэта видится мне следование главному пушкинскому завету – призывать милость к падшим.

Глубокое проникновение в сущность своих героев, даже слияние с ними, приводят нас к теме преображения. Как зерно должно умереть в пашне, чтобы достичь цели своего существования – возродиться в колосе, так автор должен умереть в герое, чтобы тронуть сердце читателя. Борису Сусловичу удаётся это не только с человеческими персонажами. Также полноценно он перевоплощается, например, в чайку, взлетающую над утренней Темзой:

* * *

*Проснуться от всхлипа
Разбитой о камень волны.
Поёжившись, всыпать
Горсть крика в раствор тишины.*

*Почти без усилия,
Наполнив редеющей мглой
Затёкшие крылья,
Подняться над спящей землёй.*

*Почувствовать тяжесть
Колючей воздушной струи,
Которая свяжет
Силками движенья твои.*

*Растерянно бросить
Невидящий взгляд в темноту –
И первую просинь
Случайно задеть на лету...
(«Чайка над Темзой»)*

Создаётся впечатление, что летать для поэта – дело привычное, так легко и естественно написаны эти строки, так глубоко и великолепно преобразился он в птицу.

Вообще тема полёта, взгляда с высоты проходит красной нитью через всю книгу. «Ночь. Посредине пустыни / Медленно движется джип» – это же практически отрывок из фильма, снятый с дрона, как делается в современном кинематографе. Януш Корчак «проплывает над родиной лагерным дымом». Летит в последний путь оторвавшийся от ветки листок, в отчаянии оглядываясь назад (конечно же, это человеческая душа прощается навсегда со своим земным домом):

*...С трудом
Он разглядел свой прежний дом
На расстоянии. Снаружи.
Залитый муторным дождём,
Тот падал и терялся в нём,
Как рябь посередине лужи.
(«Лист»)*

Летят радостные снежинки, не понимающие ещё, что ждёт их впереди:

*Пока лететь им суждено,
Полёту радуясь, как дети,
Им, беззаботным, всё равно,
Найдётся ли, кому их встретить.
(«Я брёл по старому мосту...»)*

Падает мальчик, разбежавшийся на лестнице. «Но и паденье – всё-таки полёт!» – так сказал другой поэт. Автор «Разбега» как будто отвечает ему в унисон:

*Поднимайся: паденье –
Лишь расплата за взлёт...
(«Лестница»)*

Разбег предполагает взлёт. И какой бы горькой и болезненной ни была расплата за взлёт, поэт, как птица, не может не летать.

*Лера Мурашова,
поэт, член Союза писателей XXI века*

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

Андрей Иванов.....	7
Вилен Иванов.....	11
Алексей Монастырёк	14
Анатолий Суслов	16
Юрий Угаров.....	25
Идалия Шевцова-Урсатий	30

Проза

Сергей Бусахин.....	35
Инна Дёмина	44
Александр Махнёв.....	48
Нина Назарова	57
Василий Поляков.....	59
Ирина Сабенникова	65
Юрий Сидоров.....	76

«Литературное Пушкино»

Литературное творчество обучающихся МБОУ
«Майская СОШ» Городского округа Пушкинский
Московской области (Кружок «Литературное Пушкино»,
руководитель: учитель русского языка
и литературы Должкова Т.Ф.)

Шагина Надежда, 8 «Б».....	89
Игорь Яхно, 10 «Б».....	91
Мельник Арина, 5 «А».....	95

Книжная полка

В десяточку. <i>Максим Замшев</i>	101
Достоверно и своевременно. <i>Максим Замшев</i>	105
Взгляд с высоты. <i>Лера Мурашова</i>	109